
Магриб
у океана
История любви
на расстоянии
трех шагов

Мэйнилин Мэйнилин

Магриб у океана

https://litres.ru/74752009
SelfPub; 2026

Аннотация

— Ты опять сказала «I am student», — Дени откидывается на спинку стула, даже не пытаясь спрятать ухмылку. — A student. Запомнишь?

— Запомню, — не поднимая глаз от конспекта, отвечает Ранья, — как только ты вспомнишь хотя бы одно слово на родном языке.

Он вырос в Америке и почти забыл свои корни. Она приехала из Чечни в Сан-Диего всего на один учебный год и меньше всего ожидала, что самым трудным здесь окажется не учеба, а самоуверенный земляк, который не упускает ни одного случая ее подразнить.

Чистая история любви о вере, традициях и гордости — и о том, что родина не покидает сердце, где бы ты ни оказался.

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в Сан-Диего 4
Глава 2. Свой среди чужих 16
Глава 3. Судья 33
Глава 4. Пропущенный артикль 53
Глава 5. Круглый стол 72

Мэйнилин
Магриб у океана

Глава 1. Добро пожаловать в Сан-Диего

Рожденный на земле Кавказа навсегда сохранит в себе эту кровь, и в какой бы конец света он ни отправился, родина никогда не покинет его сердце.

Самолет заходит на посадку так низко, что, кажется, вот-вот заденет крыши. Под крылом проплывают стеклянные башни даунтауна, заходящее солнце красит их окна в медь, а за ними тянется океан, огромный и бесконечный, весь в золотых бликах. Ни одной горы, только вода до самого края неба.

Ранья сидит у иллюминатора и не может отвести взгляд. Океан она видит вживую впервые в жизни, и от этого перехватывает дыхание. Еще год назад она и представить не могла бы, что когда-нибудь окажется за пределами Чечни, а тем более так далеко от дома.

Позади почти сутки в дороге, и теперь она на другом кон-

це земли. Когда Ранья подавала заявку на программу обмена, она даже не надеялась, что получит грант и сможет целый год учиться в американском университете. Документы подавали несколько человек, но выбрали именно ее, и счастью не было предела.

Вот только родные поначалу были против. Отпустить ее на другой конец света, да еще на целый год, казалось им слишком рискованным.

Переубедить их смог только дядя Хасан, старший брат ее отца, который с самого начала был на ее стороне. Он уже много лет живет в Америке вместе с семьей, и как только родные поняли, что Ранья будет жить у него и все время будет под его присмотром, возражать никто не стал. К тому же дядя — профессор в том самом университете, где ей предстоит учиться этот год. Для Раньи это третий курс, а после него она вернется в Чечню, чтобы закончить последний, четвертый.

— Пальмы! Ранья, это настоящие пальмы, видишь?! — Мансур, ее девятилетний двоюродный брат, перегибается через нее и почти прилипает лбом к стеклу.

— Мансур, сядь нормально, — шипит Хава, жена дяди Хасана. — И пристегни ремень. Сто раз это видел, а ведешь себя так, будто впервые.

— Я же Ранье показываю! Она-то не видела. Ранья, смотри туда!

Седа, ее четырнадцатилетняя двоюродная сестра, лениво

снимает наушники и без особого интереса косится в окно. Пальмами ее не удивишь.

Шасси глухо ударяются о полосу, самолет вздрагивает всем корпусом и начинает тормозить, а когда он наконец останавливается, по салону разносятся щелчки ремней.

— Алхьамдулиллах, — тихо выдыхает Хава и проводит ладонями по лицу, а потом поворачивается к Ранье и внимательно смотрит на нее, проверяя, не слишком ли та волнуется. — Ранья, мы втроем пойдем в очередь для граждан, а тебе нужно будет встать в другую, для иностранцев. Не бойся, там ничего страшного и сложного, просто проверят документы, сфотографируют, снимут отпечатки пальцев, и все. Мы будем ждать тебя сразу за контролем.

Зал паспортного контроля встречает их прохладой кондиционеров и гулким эхом голосов. Над головой висит огромный звездно-полосатый флаг, а рядом с ним крупная надпись: *Welcome to the United States*.

Дальше поток пассажиров делится надвое. Хава, Седа и Мансур уходят к табличке *U.S. Citizens*, и Мансур на прощание машет ей рукой, а Ранья остается в длинной очереди под табличкой *Visitors*. Вокруг звучит незнакомая речь, мелькают чужие лица, и она вдруг понимает, что впервые в жизни рядом нет никого из своих. Какая-то женщина впереди оборачивается и разглядывает ее хиджаб, и Ранья, сама того не замечая, расправляет плечи, а потом поправляет платок у виска, проверяя, ровно ли лежат складки, будто это может

вернуть ей хоть немного уверенности.

Очередь двигается медленно, и она успевает несколько раз проверить, на месте ли документы, прежде чем офицер в темно-синей форме, грузный мужчина с седыми усами, поднимает на нее глаза и коротким жестом подзывает к себе.

— Good evening. Passport and DS-2019, please. *(Добрый вечер. Паспорт и форму DS-2019, пожалуйста.)*

Она протягивает ему паспорт с аккуратно сложенной формой. Офицер неторопливо листает страницы, находит ее визу и задерживает на ней взгляд. Потом разворачивает форму, что-то сверяет и, подняв на нее глаза, сравнивает ее лицо с фотографией в паспорте.

— Westbrook University, huh? What are you going to study? *(Вестбрукский университет, значит? Что вы будете изучать?)*

Ранья сжимает в пальцах ремешок сумки, и английский, который она так хорошо знала, от волнения разом вылетает из головы. Одно дело сдать экзамены у себя в городе, и совсем другое — стоять перед настоящим американцем, который смотрит на тебя и ждет ответа.

Она медленно выдыхает, заставляет себя успокоиться, и нужные слова понемногу возвращаются.

— Management, — наконец говорит она и, чуть помедлив, добавляет: — I am exchange student. For one year. *(Менеджмент. Я студентка по обмену. На один год.)*

Уже договорив, она понимает, что снова потеряла ар-

тикль. Эти маленькие *a* и *the*, которых нет ни в чеченском, ни в русском, всегда ускользали от нее именно тогда, когда она волновалась, и Ранья мысленно ругает себя, но офицер, кажется, ничего не замечает.

— Where are you staying? *(Где вы будете жить?)*

— With my uncle. He is professor at Westbrook. *(У дяди. Он профессор в Вестбруке.)*

Седые усы чуть приподнимаются в улыбке.

— Professor, huh. Then you better get good grades. *(Профессор, значит. Тогда вам лучше хорошо учиться.)*

Ранья с трудом сдерживает улыбку, думая о том, что дядя, наверное, будет часто ей это говорить.

Офицер кивает на маленький стеклянный сканер у края стойки.

— Four fingers of your right hand here, please. *(Четыре пальца правой руки сюда, пожалуйста.)*

Ранья прикладывает пальцы к холодному стеклу, потом левую руку, потом большие пальцы, послушно повторяя все, что он показывает. Потом офицер поворачивает к ней маленькую камеру и просит посмотреть прямо в объектив, и через секунду все заканчивается. Он ставит штамп в паспорт, вкладывает в него форму и протягивает документы обратно.

— Welcome to San Diego, Miss. Good luck with your studies. *(Добро пожаловать в Сан-Диего, мисс. Удачи в учебе.)*

— Thank you, — тихо отвечает Ранья и, прижимая паспорт к груди, проходит дальше, чувствуя, как с каждым ша-

гом отпускает напряжение, которое держало ее с той самой минуты, как самолет коснулся земли.

Сразу за паспортным контролем начинается зал выдачи багажа, и не успевает Ранья оглядеться, как слышит знакомый голос.

— Ранья! Сюда!

Мансур прыгает на месте у одной из лент и машет обеими руками. Рядом с ним облегченно улыбается Хава, а Седа сидит на тележке с их сумками и лениво листает что-то в телефоне. Чемодан Раньи уже стоит рядом с ними: Мансур первым заметил его на ленте и так громко закричал, что Хаве пришлось поскорее его снять.

Они вместе проходят таможню, и стеклянные двери выпускают их в зал прилета, где пахнет кофе и чем-то сладким из киоска с выпечкой. Вокруг люди обнимаются, кричат и смеются на десятке языков, кто-то держит воздушные шары, кто-то цветы, кто-то таблички с именами, и Седа, тут же оживившись, начинает снимать все это на видео.

— Дада! — вдруг кричит Мансур и, бросив тележку, со всех ног бежит куда-то в сторону.

Чуть поодаль стоит высокий мужчина лет пятидесяти пяти в светлой рубашке, с аккуратной седой бородой. Он треплет сына по голове и что-то говорит ему с улыбкой, а потом поднимает глаза на остальных. Седа подходит к отцу, и он обнимает ее за плечи, Хаве коротко и тепло кивает, спрашивая, как они долетели, и только после этого его взгляд оста-

навливается на Ранье. Она сразу узнает дядю. Они не виделись вживую почти восемь лет, только на экране телефона. Он постарел: борода стала белой, у глаз прибавилось морщин, но когда он наконец улыбается, у Раньи перехватывает горло.

Она подходит ближе, здоровается с ним и, забыв про чемодан и усталость, обнимает его. Дядя прижимает ее к себе крепко, по-отцовски, и на секунду кладет ладонь ей на голову, прямо на платок.

— Марша йогIийла, Ранья, *(Добро пожаловать, Ранья,)* — негромко говорит он. — Как ты выросла.

Он отстраняется, держит ее за плечо и долго смотрит ей в лицо, будто ищет в нем кого-то еще.

— Вылитый Аслан, — тихо добавляет он. — Ну, как ты? Как здоровье твоей матери?

— Алхьамдулиллах, все хорошо, — отвечает Ранья, стараясь, чтобы голос не дрожал. — А ты как, дядя?

— Алхьамдулиллах, — с улыбкой кивает он. — Как видишь, еще на ногах.

Он берет ее чемодан и, не дожидаясь возражений, направляется к выходу, а спорить с ним никто и не пытается.

Стоит им выйти на улицу, как Ранью окутывает теплый, влажный и солоноватый воздух, совсем не такой, как дома в горах. Она невольно делает глубокий вдох и только сейчас по-настоящему понимает, что где-то совсем рядом океан, тот самый, который она видела из иллюминатора. Усталость по-

сле долгой дороги никуда не делась, но сквозь нее вдруг пробивается тихая, почти детская радость, и она ловит себя на том, что улыбается.

Машина у дяди большая, серебристая «Тойота». В салоне пахнет кожей, а на зеркале рядом с маленьким освежителем висят крошечные четки из темного дерева. Хава кивает Ранье, чтобы та садилась впереди, а сама устраивается сзади рядом с детьми. Ее это нисколько не удивляет: по чеченскому обычаю жена не садится рядом с мужем на переднее сиденье, тем более при родственниках.

Стоит им выехать с парковки, как город распахивается за окном. По широкой шестиполосной трассе несутся машины, а вдоль дороги тянутся высокие пальмы. Ранья смотрит на это все, боясь моргнуть, словно город может исчезнуть, если она хоть на секунду отведет взгляд. Небо из оранжевого постепенно становится фиолетовым, и справа, за домами и кранами порта, в бухте виднеется что-то огромное и серое. Она не сразу понимает, что это корабль, длинный, как целая улица, с плоской палубой.

— Это авианосец, — небрежно поясняет Мансур. — Их тут много. Дада говорит, у нас город моряков.

Он произносит это таким тоном, будто сам каждый день командует кораблями, и Ранья прячет улыбку, чтобы его не обидеть.

— А вон тот мост ведет на Коронадо, — добавляет Седа, кивая на высокую дугу, перекинутую через залив. — Там

очень красивый пляж, с блестящим песком.

— Как-нибудь съездим, — спокойно говорит Хасан, не отрывая глаз от дороги.

Мансур радостно подпрыгивает на сиденье, и Хава, качая головой, все же улыбается.

Вскоре трасса уходит в сторону от океана, и за окном тянутся тихие улицы с похожими друг на друга светлыми домами, ровными газонами и почтовыми ящиками у дороги. В окнах один за другим загораются огни, и чем дальше они едут, тем сильнее Ранья чувствует, как радость понемногу смешивается с тоской. Где-то очень далеко, за всем этим, остались ее дом, горы, мама, запах дыма из соседних дворов и город, где она училась, и сейчас все это кажется таким далеким, будто осталось в другой жизни. Она сжимает пальцы на коленях и напоминает себе, что сама этого хотела, что это всего лишь год и что мама будет ждать ее звонка.

Наконец машина сворачивает к одному из домов и останавливается.

Дом у дяди двухэтажный, со светлыми оштукатуренными стенами и низкой черепичной крышей, с гаражом сбоку и небольшим газоном. Он такой же аккуратный и ухоженный, как и соседние дома, но Ранье он сразу кажется уютным. У крыльца растет куст с яркими розовыми цветами, каких она раньше никогда не видела.

— Бугенвиллея, — мимоходом бросает Хава, заметив ее взгляд. — Тут она везде растет.

Они заходят внутрь и разуваются у порога, и Ранья проходит в дом, с любопытством оглядываясь по сторонам. Внутри просторно и светло, гостиная плавно переходит в кухню, где гудит большой американский холодильник, а наверх, к спальням, ведет деревянная лестница.

— Пошли, я тебе все покажу! — Седа, впервые за весь день по-настоящему оживившись, берет ее за руку и тянет за собой.

Мансур тут же с топотом несется следом, обгоняя их на ступеньках и громко объявляя, где чья комната, как настоящий экскурсовод.

Сначала все совершают намаз, а потом собираются за столом на кухне. На ужин Хава подает жижиг-галнаш: и мясо, и галнаш она приготовила и заморозила еще перед поездкой, так что сейчас оставалось только все разогреть и сварить. Над тарелками поднимается пар, и от этого знакомого запаха чеснока и бульона у Раньи вдруг теплеет внутри, и кажется, что она и не улетала из дома так далеко.

Мансур болтает без остановки, рассказывая про школу и про своего друга-мексиканца Диего, по которому он соскучился за лето. Седа ест молча и все время тянется к телефону, пока Хава не забирает его у нее. Хасан ест неторопливо и почти не говорит, но каждый раз, когда тарелка Раньи пустеет, он молча подкладывает ей еще мяса, и она понимает, что отказываться бесполезно.

После ужина Ранья поднимается в свою комнату в конце

коридора, которую Седа с Мансуром успели показать. Комната небольшая, с узкой кроватью, белым шкафом и окном на задний двор, где растет настоящее лимонное дерево. Свет из окна кухни падает на его ветки, и в этом свете видно, как среди темных листьев желтеют лимоны, прямо как на картинке.

Ранья садится на край кровати и набирает маму по видеосвязи. В Сан-Диего девятый час вечера, а в Грозном уже утро, и мама отвечает почти сразу.

— Ранья! Как вы там? Как долетели? Как тебе Америка?

— Все хорошо, мам, долетели хорошо, дядя нас встретил. Только что поужинали, и я поднялась к себе. Все передавали тебе привет, — отвечает Ранья, широко улыбаясь, и сама чувствует, как от маминого голоса у нее щиплет в носу. — Здесь все такое другое… Смотри.

Она медленно ведет телефоном по стенам, по шкафу, по окну и останавливается на освещенных ветках за стеклом.

— Лимоны прямо во дворе растут, мам!

Они говорят еще долго, пока у мамы за спиной не начинает свистеть чайник.

Ранья долго не может уснуть. Тело устало до последней косточки, но голова никак не отключается, а звуки здесь совсем другие: нет той глубокой тишины, которая бывает только в горах, и далекого лая собак из соседних дворов. Вместо этого где-то вдалеке гудит трасса, и время от времени низко над домами пролетает самолет, мигая огнями. В приоткры-

тое окно тянет теплым ночным воздухом и едва уловимым запахом лимона.

Ранья смотрит в потолок и думает о том, что впереди целый учебный год в чужой стране, на чужом языке. Ей страшно, но она приехала сюда учиться и не собирается никому этого показывать. Она поворачивается на бок, лицом к окну, и шепотом читает дуа, пока сон наконец не забирает ее.

Глава 2. Свой среди чужих

Первые дни проходят непривычно. Ранья просыпается среди ночи с такой ясной головой, будто уже наступило утро, и подолгу лежит в темноте, прислушиваясь к тихому дому и шуму за окном. Когда приходит время утреннего намаза, она встает первой во всем доме, а после молитвы еще долго сидит у окна и смотрит, как над крышами соседних домов медленно светлеет небо. Зато днем сон наваливается на нее внезапно, и однажды она засыпает прямо в кресле, не дослушав рассказ Мансура про то, как он весной выиграл школьный турнир по шахматам.

— Это джетлаг, — смеется Хава, накрыв ее пледом. — Между нами и Грозным десять часов разницы, а твой организм все еще живет по домашнему времени. Скоро привыкнешь.

Чтобы не сидеть без дела, Ранья помогает Хаве по дому: моет посуду, режет овощи, берет на себя уборку, чтобы избавиться от тоскливых мыслей. По вечерам они подолгу сидят вдвоем на кухне за чаем, и Ранья рассказывает о своем университете, о преподавателях, об однокурсниках и о смешных случаях на парах. Говорит она с улыбкой, но где-то глубоко внутри уже чувствует, как сильно соскучилась по всему этому.

Хава в ответ рассказывает, как устроена жизнь здесь. Соседи у них хорошие и приветливые, и на этой улице принято носить друг другу пироги и сладости, просто так, без всякого повода. Чеченцев в Сан-Диего немало, и Хава со многими дружит, вот только рядом с ними, к сожалению, никто не живет, и до ближайших знакомых приходится ехать через полгорода.

— И будь осторожна, — говорит она, понизив голос, хотя на кухне, кроме них, никого нет. — Здесь все по-другому. Люди вроде улыбаются, а что у них на уме, никогда не знаешь. Держись подальше от сомнительных компаний.

Ранья кивает. Она и сама все понимает. Еще дома, когда она только собирала документы и готовилась к поездке, у нее в голове появилась четкая установка, от которой она не собиралась отступать: никаких подруг, никаких лишних разговоров, только учеба. Она приехала сюда не за этим.

На следующий день Хава берет ее с собой в супермаркет. Еще на парковке Ранья удивляется размеру магазина, а когда за ними разъезжаются стеклянные двери, просто останавливается на пороге. Ряды полок уходят вдаль, и конца прохода почти не видно, тележки здесь размером почти с маленькую машину, а одних только видов хлеба больше, чем во всех магазинах ее города вместе взятых. Ранья берет то один, то другой вид хлеба, пока Хава со смехом не тянет ее дальше. А на кассе молоденькая девушка с яркими заколками в волосах спрашивает, как у нее дела, и желает хорошего дня так

искренне, что Ранья еще долго не может понять, знакомы ли они.

В выходные дни Хасан везет всю семью посмотреть город. Сначала они проезжают через центр, где между стеклянными небоскребами снуют люди в легких рубашках, футболках, шортах и солнечных очках, а потом оставляют машину и гуляют по набережной залива, где у причалов покачиваются белые яхты, а над водой с криками кружат чайки. Мансур тут же выпрашивает себе мороженое, Седа фотографирует все подряд, а Ранья идет рядом с Хавой и никак не может остановить взгляд на чем-то одном. Ей хочется запомнить все сразу: и пальмы, которые тянутся вдоль улиц ровными рядами, и прохожих самых разных национальностей, каких она никогда раньше не видела в одном месте, и огромный серый корабль у причала, на палубе которого, к ее изумлению, стоят настоящие самолеты.

— Это старый авианосец, — объясняет Хасан. — Теперь в нем музей, туда можно подняться и посмотреть все своими глазами.

Ранья запрокидывает голову, разглядывая серые борта, которые высятся над причалом, словно многоэтажный дом, и ей кажется, что она попала на другую планету, где все намного ярче и больше, чем дома.

А однажды, когда Ранья выходит во двор вынести мусор, у соседнего дома ее окликает пожилая женщина в широкополой соломенной шляпе, с садовыми перчатками на руках.

— Так это ты та самая племянница Хасана? — Она откладывает секатор и подходит ближе, с любопытством разглядывая Ранью. — Я Кэрол. Хава говорила, что ты приезжаешь, и я все ждала, когда же мы познакомимся.

Ранья, немного смутившись, представляется и, тщательно подбирая слова, отвечает на ее вопросы. Кэрол оказывается разговорчивой и веселой. Она рассказывает, что только вчера вернулась из Техаса, где живут ее сын с невесткой и двое ее внуков, что дом после поездки показался ей ужасно пустым, ведь она уже несколько лет живет одна, и что Ранья может заходить к ней в любое время, когда захочет поболтать.

А вечером, когда семья садится ужинать, в дверь звонят. На пороге стоит Кэрол с яблочным пирогом, еще теплым и пахнущим корицей.

— В честь приезда, — улыбается она, протягивая его Ранье.

Хава тут же усаживает ее за стол, и Кэрол почти час сидит с ними на кухне, рассказывая о своих внуках, о Техасе и о том, как раньше выглядела их улица. От ее смеха, от запаха корицы и от тепла, которое она принесла с собой, в доме становится уютно, и Ранья ловит себя на мысли, что ей здесь определенно нравится.

И все же тоска по дому не отпускает ее. Каждый вечер Ранья подолгу говорит с мамой по телефону, и каждый раз после разговора ей становится грустнее. Ей здесь хорошо, но

душа все равно тянется обратно, и иногда она ловит себя на том, что уже считает месяцы до конца учебного года.

Однажды вечером Хава замечает это по ее лицу и присаживается рядом.

— Мне тоже было тяжело, — тихо говорит она. — Первый год я почти каждый день плакала. Так скучала по маме и сестрам. А потом все же привыкла. Познакомилась с нашими, теперь мы ходим друг к другу в гости, да и с соседками подружилась. И ты привыкнешь. — Она улыбается и легонько толкает Ранью плечом. — В университете наверняка найдется кто-то из своих. Ты не будешь одна, да и дядя всегда рядом.

Ранья кивает и улыбается в ответ, но беспокойство перед неизвестностью все равно не отпускает ее до самой ночи. Поднявшись к себе, она долго сидит на кровати, прижавшись спиной к стене и поглядывая в темное окно. Завтра они с дядей поедут в университет, и чем ближе этот день, тем сильнее она волнуется. А вдруг ее там не примут такой, какая она есть? Ведь она уже решила, что будет все время молчать и говорить только с преподавателями на парах, и даже в столовую ходить не собирается, да и зачем ей туда, если она никого не знает. Не посчитают ли ее из-за этого странной? А что, если в группе найдутся те, кто будет над ней смеяться, например из-за хиджаба? Хотя на дворе двадцать первый век, и почему это вообще должно кого-то удивлять? В Америке ведь живет немало мусульман. Вот их соседка Кэрол очень

любит их семью и совершенно спокойно и радушно общается с Хавой, а теперь и с ней тоже.

— И с каких пор я стала такой тревожной? — цокает Ранья языком и проводит ладонями по лицу, прогоняя все эти ненужные мысли.

Ее взгляд цепляется за мужские наручные часы на тумбочке, и, немного помедлив, она берет их в руки. Стрелки навсегда остановились на цифре шесть. После смерти отца часы больше никто не заводил и не чинил. Раньше они хранились у Хасана, и когда Ранье было десять лет, она увидела их у него и попросила отдать ей. Сначала он боялся, что в таком возрасте она может их где-нибудь потерять, но, заметив слезы, застывшие у нее в глазах, все же отдал, ведь это была вещь ее отца. С тех пор Ранья всегда держит их рядом с собой и время от времени вот так берет их в руки, пытаясь удержать в памяти те немногие смутные картинки, что остались у нее об отце.

Постепенно тревожные мысли отступают, и она думает о том, что отец наверняка гордился бы ею сейчас: она выросла воспитанной и богобоязненной, поступила в университет, а теперь прилетела на другой конец света, чтобы учиться в одном из лучших вузов Америки. Он определенно гордился бы. И именно за эту мысль Ранья цепляется изо всех сил, прикрывая глаза и прижимая часы к груди.

— Я не подведу, — тихо шепчет она в пустоту и глубоко вздыхает, не замечая подступивших слез.

Утром Ранья долго стоит перед зеркалом, выбирая, что надеть, и в конце концов останавливается на голубой рубашке, строгом темно-синем пиджаке, длинной прямой юбке в пол и светлом платке, аккуратно заколотом у подбородка. Глядя на свое отражение, она невольно расправляет плечи: в пиджаке она чувствует себя собраннее и увереннее.

Дорога до университета занимает около получаса. Хасан ведет машину спокойно и неторопливо, а Ранья сидит рядом, крепко сжимая на коленях папку с документами, и смотрит, как за окном проплывают знакомые уже пальмы и светлые домики с аккуратными газонами.

Пока они едут, дядя рассказывает ей, как здесь все устроено. Лекций в американских университетах меньше, чем она привыкла, зато много работы в группах, проектов и презентаций, а на занятиях студенты спорят с преподавателями и друг с другом, и молчать там не принято. Ранья слушает внимательно и с каждым его словом все отчетливее понимает, что ее план просидеть весь год тихо, ни с кем не разговаривая, может оказаться не таким уж и простым.

А потом выясняется, что и рассчитывать на дядю на занятиях не придется, потому что преподает он на другом факультете, в другом корпусе, и на ее парах его не будет. Ранья старается не показать, как ее это расстроило, но Хасан, кажется, все замечает.

— На парах меня не будет, — спокойно говорит он, не отрывая глаз от дороги. — Но весь университет будет знать,

чья ты племянница. И если кто-то тебя хоть словом обидит, сразу скажи мне.

Он произносит это негромко, но так твердо, что Ранья невольно выпрямляется на сиденье, и тревога, которая сжимала ее с самого утра, понемногу отступает. Она снова отворачивается к окну, где дорога уже начинает петлять между высокими эвкалиптами, чьи узкие листья тихо дрожат на ветру.

Эвкалипты тянутся возле дороги еще несколько минут, наполняя салон свежим, чуть мятным запахом, а потом расступаются, и у Раньи захватывает дух. Университет Вестбрук стоит на высоком плато над океаном, и с дороги видно сразу все: внизу, до самого горизонта, раскинулась синяя гладь воды, сверкающая на утреннем солнце, а наверху, на самом краю обрыва, раскинулся кампус.

Белые здания с плоскими крышами и широкими окнами свободно стоят среди зелени, и ни одно из них не закрывает вид на океан. В центре кампуса возвышается высокое здание библиотеки, почти целиком из стекла, и в его огромных окнах отражаются небо и пальмы. От нее во все стороны расходятся широкие лестницы и пальмовые аллеи, а между ними зеленеют газоны.

Хасан оставляет машину на парковке, и они идут к главному корпусу пешком. Вокруг кипит жизнь. Одни студенты в шортах и футболках, другие в джинсах и легких рубашках, кто-то в спортивной форме, видимо, прямо с тренировок

ки. Многие сидят прямо на траве: у кого-то в руках ноутбук, у кого-то книга, а кто-то просто лежит на спине, подложив под голову рюкзак, и жует снэки. Мимо со свистом проносится парень на скейтборде, у фонтана из чьей-то колонки играет музыка, и несколько девушек пританцовывают в такт. Отовсюду доносятся голоса, смех, обрывки разговоров на английском, испанском и еще каких-то языках, которых Ранья даже не может узнать.

Она идет рядом с дядей, стараясь не отставать, и невольно ловит на себе любопытные взгляды. На фоне всей этой легкости и свободы ее строгий пиджак и длинная юбка вдруг кажутся ей слишком серьезными, а сама она слишком заметной. На секунду ей хочется стать невидимкой, но она тут же одергивает себя, расправляет плечи и поднимает подбородок чуть выше. Ей нечего стыдиться.

Поднявшись по ступеням, Ранья еще ненадолго останавливается у входа и смотрит вдаль, туда, где синяя гладь океана сливается с небом, а потом поправляет сумку на плече и заходит в главный корпус следом за дядей.

Хасан ведет ее прямиком в офис для иностранных студентов: каждый, кто приезжает учиться из другой страны, должен сначала отметиться там и подтвердить свои документы. Внутри прохладно от кондиционера. За стойкой сидит полная женщина лет пятидесяти с крупными серьгами-кольцами и бейджиком, на котором написано «Патрисия Гомес, служба поддержки иностранных студентов». Она поднимает

голову и, увидев профессора, тут же сияет улыбкой.

— Профессор, доброе утро! Что привело вас к нам?

— Доброе утро, Патрисия, — кивает Хасан и поворачивается к Ранье. — Это моя племянница, Ранья. Она приехала к нам по обмену из Чечни и здесь всего несколько дней, так что помогите ей, пожалуйста, со всем разобраться.

Патрисия улыбается еще шире, глядя на девушку.

— Добро пожаловать, дорогая! Тебе у нас понравится! Документы с собой?

Ранья, сама того не замечая, улыбается ей в ответ, уж слишком заразительная у нее улыбка, и протягивает ей документы из папки.

Патрисия что-то печатает на компьютере и, не поднимая взгляда, все тем же жизнерадостным тоном спрашивает:

— Ну как тебе Сан-Диего? Уже была у океана? — А потом тут же добавляет: — Хотя океан ты теперь и так будешь видеть каждый день, а вот пляж — это совсем другое дело.

Она мечтательно вздыхает, наверняка представляя себя сейчас там, а не за рабочей стойкой. Хотя, судя по ее настроению с самого утра, сложно представить, что ее что-то не устраивает в работе. Может, все дело в самом месте? Как-никак, университет стоит прямо над океаном.

— Нет, еще не была, — мягко отвечает Ранья.

— Ну ничего, еще успеешь. Обязательно сходи туда с друзьями. По вечерам молодежь любит собираться на пляже у костра.

Ранья ничего не отвечает. Такие вечеринки ей точно не светят, да она о них и не думает. Хасан тем временем говорит по телефону, отойдя на другой конец офиса, и возвращается как раз в тот момент, когда Патрисия звонко объявляет:

— Ну вот и все! — Она протягивает Ранье пластиковую карточку с фотографией, которую та еще дома загружала вместе с документами. — Вот твой студенческий билет. В понедельник, в девять утра, в Пасифик-холле будет встреча для всех новеньких, кто приехал из-за границы или перевелся к нам из других вузов, не опаздывай. — И торжественно добавляет: — Добро пожаловать в Вестбрук, Ранья!

Ранья смотрит на свой студенческий и, задержав на нем взгляд, не сразу находит, что ответить. Теперь она официально студентка американского университета. Еще год назад такое не могло ей даже присниться.

Когда они выходят на улицу, солнце после прохладного офиса бьет в глаза так ярко, что Ранья невольно щурится. Хасан останавливается, чтобы надеть темные очки, и в этот момент со стороны парковки на центральную аллею выходит шумная компания: трое парней и две девушки. Они смеются громко и беззаботно, на всю аллею, так, как смеются только люди, которым некуда спешить и нечего бояться.

Один из парней идет чуть впереди остальных. Он высокий и широкоплечий, с подтянутой спортивной фигурой, и простая белая футболка со светлыми джинсами сидят на нем легко и небрежно. Темные волосы зачесаны назад, а на чуть

смуглом лице видна легкая щетина. Идет он неторопливо, чуть лениво, будто весь мир принадлежит ему, и на ходу крутит на пальце ключи от машины, которые звякают в такт его шагам, а на запястье той же руки поблескивают часы. Вот он бросает что-то через плечо, и вся компания снова взрывается смехом, а сам он улыбается своей чуть кривой, самоуверенной улыбкой.

И вдруг он замечает Хасана.

Ключи перестают крутиться, он ловит их в ладонь и сжимает. Улыбка не исчезает с его лица, но становится другой, сдержанной. Он что-то коротко говорит друзьям, и те идут дальше, а сам сворачивает к ним. Одна из девушек, стройная, с длинными темными волосами и большими солнечными очками, поднятыми на макушку, на мгновение задерживается и окидывает Ранью долгим оценивающим взглядом, скользнув им по хиджабу и строгому пиджаку, а потом, чуть приподняв бровь, догоняет остальных.

Парень подходит к ступеням и сразу протягивает Хасану руку.

— Ассаламу алейкум. How are you, sir? How's your health? *(Как вы поживаете? Как ваше здоровье?)*

Хасан отвечает не сразу. Короткая пауза длится всего секунду, но Ранья ее замечает, а потом дядя все-таки пожимает протянутую руку.

— Ваалейкум Ассалам, Дени, — ровно отвечает он по-чеченски. — Хвала Всевышнему. Как дела? Как отец?

Ранья удивленно поднимает глаза. Чеченец? Здесь, в американском университете, на другом конце света? Меньше всего она ожидала встретить здесь кого-то из своих, да еще так, в первый же день.

— He's good. Working, as always. *(Хорошо. Работает, как всегда.)*

— Передай ему салам.

— I will. *(Передам.)*

Ранья никак не может понять, почему дядя говорит с ним по-чеченски, а тот упорно отвечает по-английски. Она слышит, каким холодным стал голос Хасана, и сам парень, видимо, это тоже чувствует. Она хорошо знает, как младшие здороваются со старшими. Никто не протягивает руку первым и уж тем более не отвечает на чужом языке, когда старший обращается к тебе на родном. Неужели он правда не понимает? Или ему все равно?

Лишь раз, на одно короткое мгновение, он смотрит на нее и тут же отводит глаза, как того требуют приличия. Но в уголке его губ мелькает что-то похожее на усмешку, будто он увидел нечто забавное. Ее строгий пиджак? Плотно сжатые губы? Или папку, которую она прижимает к груди, словно щит?

— Well, I won't keep you, *(Ну, не буду вас задерживать,)* — говорит он Хасану и делает шаг назад.

Он догоняет своих уже у фонтана, на ходу снова подбрасывая ключи. Рыжий парень из компании оборачивается и

что-то у него спрашивает, кивая в их сторону, а темноволосая девушка снова бросает на Ранью быстрый взгляд через плечо.

Уже через несколько минут они выезжают с парковки, и какое-то время Хасан молчит. Спрашивать о парне Ранье неудобно, да и не пристало, но по тому, как крепко дядя сжимает руль, она понимает, что эта встреча не дает покоя и ему. Проходит, наверное, целая минута, прежде чем он все-таки заговаривает.

— Это Дени, — говорит он, не отводя взгляда от дороги. — Он чеченец. Отец привез его сюда, когда ему было три года. Хороший человек, умный, сам всего добился, теперь у него своя строительная компания. Только вот воспитанием сына почти не занимался, все время работал. Вот и вырос парень, не зная ни наших обычаев, ни традиций, ни языка. Понимать немного понимает, отец дома говорит с ним по-чеченски, а сам говорит плохо, стесняется своего акцента, поэтому не говорит вовсе.

Он ненадолго замолкает, перестраиваясь в соседний ряд, а потом продолжает тише:

— Он тоже учится на менеджменте, на третьем курсе, так что многие занятия у вас будут общими. Но не стоит тебе с ним разговаривать. Он уже совсем здесь стал своим. — Хасан бросает на нее короткий взгляд. — Я тебе доверяю, Ранья. Людям вокруг я не доверяю. Поэтому будь осторожна, и если кто-то начнет вольничать и разговаривать с тобой слиш-

ком много, сразу дай мне знать. Пока ты здесь, моя главная забота — тебя защищать.

— Конечно, дядя, я поняла, — тихо отвечает Ранья.

Дальше они едут молча. Ранья смотрит в окно на проплывающие мимо пальмы и светлые домики, но перед глазами у нее снова встает та сцена у ступеней.

Дома их встречает запах свежей выпечки. Хасан, едва переступив порог, уходит в свой кабинет, сказав, что ему нужно поработать. Мансур еще не вернулся от друга, а Седа, как обычно, сидит наверху в своей комнате, так что на кухне Ранья застает только Хаву, которая как раз достает из духовки противень с румяными пирожками.

— Ну как? Все оформили? — спрашивает Хава, обернувшись.

— Да, все хорошо, — кивает Ранья и показывает свой студенческий.

Хава с улыбкой разглядывает карточку, а потом ставит чайник, и они садятся за стол. Ранья рассказывает про университет, про вид на океан с обрыва, про веселую Патрисию, и Хава слушает, подперев щеку рукой. А потом, помешивая чай, Ранья наконец решается.

— Знаешь, а я там встретила чеченца, — говорит она, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. — Вернее, он подошел поздороваться с дядей. Я так удивилась, даже не думала, что здесь, в университете, могу встретить кого-то из наших.

— Дени, наверное? — тут же догадывается Хава.

Ранья удивленно поднимает на нее глаза.

— Ты его знаешь?

— Да так, — пожимает плечами Хава. — Видеться почти не видимся, но Хасан о нем рассказывал, он ведь знаком с его отцом.

— Он такой странный, — помолчав, признается Ранья. — Дядя заговорил с ним по-нашему, а он отвечал только по-английски. И руку ему протянул, как будто перед ним не старший, а приятель какой-нибудь. Я даже не знала, что думать. Дядя потом сказал, что он почти не знает ни языка, ни обычаев, потому что отец привез его сюда совсем маленьким. — Она чуть запинается и опускает взгляд в чашку. — Мне было неловко спрашивать у дяди… А мать у него есть?

Хава тяжело вздыхает и какое-то время молчит, вертя в руках чашку.

— Его родители развелись, когда Дени было три года, и отец сразу забрал его сюда. А что там было на самом деле, никто толком не знает. Слухи ходили разные. Кто-то говорил, что мать сама его бросила и ушла, кто-то рассказывал совсем другое. — Она качает головой. — Только я слухам не верю, ни тем, ни другим. Чужая семья — это чужая семья. Знаю только одно: с трех лет Дени живет здесь с отцом, вот и все.

Ранья больше ни о чем не спрашивает, но эти слова не выходят у нее из головы весь оставшийся день.

Вечером, когда в доме все стихает, она поднимается к себе, садится на подоконник, подобрав под себя ноги, и долго смотрит на лимонное дерево во дворе. Она снова и снова вспоминает ту короткую встречу у ступеней: протянутую руку, чужой язык в ответ на родной, холодный голос дяди и эту едва заметную усмешку. Оказывается, бывает и так. Чеченец, который забыл о своих корнях и так легко принял чужую культуру, будто она всегда была его собственной. А теперь она знает, что он вырос без матери, и от этой мысли ей становится немного не по себе. Интересно, сможет ли он когда-нибудь вернуться к себе настоящему? Ранья в это верит, ведь тот, кто родился чеченцем, не может отречься от своей крови до конца, как бы далеко от дома его ни увезли.

Глава 3. Судья

В понедельник Ранья снова выбирает строгий стиль. Она надевает бежевый пиджак, под него тонкую черную кофту, длинную черную атласную юбку и черный хиджаб. Вскоре серебристая «Тойота» паркуется рядом со спортивными молодежными машинами, и Ранья следом за дядей входит в Пасифик-холл, где уже собралось немало студентов. Она скользит взглядом по шумной толпе и держится рядом с Хасаном, пока тот не замечает среди сотрудников университета знакомую женщину и не кивает ей. Ранья сразу узнает Патрисию. Сегодня на ней большие розовые серьги в форме алмазов, на шее цепочка того же цвета, видимо из одного комплекта, а розовая блузка заправлена в светлые облегающие джинсы. Похоже, она решила ослепить всех вокруг. Патрисия улыбается во все зубы, здоровается с Хасаном и поворачивается к Ранье.

— Волнуешься?

Ранья коротко и неуверенно улыбается, и этим все сказано. Патрисия со смешком машет рукой.

— Не бойся, тут все очаровательные душки! — Она смеется так заразительно, что Ранье приходится изобразить улыбку, хотя выходит она с трудом.

— Мне нужно в другой корпус, — говорит Хасан Патри-

сии. — Помогите ей здесь освоиться, доверяю ее вам.

Ранье хочется посмотреть на него с выражением «Серьезно, дядя? Доверять ей? Той, которая всех здесь считает душками?», но вместо этого она лишь незаметно вздыхает и желает дяде хорошего дня.

— Приеду за тобой к четырем, как раз к тому времени ты освободишься, — добавляет Хасан. — Если что, звони в любое время.

Он уходит, а Патрисия провожает Ранью к рядам кресел, которые еще не до конца заполнены, и тут же исчезает в толпе. Ранья хмыкает, но даже не думает волноваться. Как-никак, она взрослый человек, третьекурсница, не станет же она плакать оттого, что ее здесь бросили одну, и уж тем более бежать жаловаться дяде. У Патрисии и без того полно работы, чтобы еще сторожить одну из сотен новеньких.

В зале человек двести. Над рядами стоит гул голосов, пахнет кофе из бумажных стаканчиков, а на сцене светится огромный экран с логотипом Вестбрука — белой чайкой над синей волной. Ранья садится с краю, примерно в середине зала, кладет сумку на колени и, выпрямив спину, принимается разглядывать все и всех вокруг. Вот девушки из Индии в длинных туниках, под которыми видны широкие штаны в цвет, и с легкими шарфами на плечах. Вот темнокожие ребята, то ли друзья, то ли родственники, чему-то улыбаются и совсем не выглядят обеспокоенными. Вот парочка, держащаяся за руки, а рядом две девушки громко смеются, ста-

раясь привлечь внимание парней впереди, которые, судя по стилю, явно любят баскетбол.

Она не уверена, но почему-то именно так выглядели все баскетболисты в американских фильмах. Наверняка тут есть и бывшие школьные чирлидерши. Интересно, похожа ли американская школьная жизнь на университетскую? Университетскую ей еще не доводилось видеть ни в одном фильме или сериале, может, потому, что она давно их не смотрит. Зато теперь она узнает о ней сама, да еще и в главной роли, и от этой мысли ей становится даже немного волнительно.

— Здесь свободно?

Услышав голос совсем рядом, Ранья машинально поворачивает голову и понимает, что обращаются к ней. На нее смотрят с улыбкой, немного неловкой, и с удивлением думает, что, похоже, кому-то здесь так же не по себе, как и ей. Девушка заправляет за ухо прядь светлых, не очень длинных волос, и Ранья быстро окидывает ее взглядом, совсем мельком, чтобы не смутить незнакомку. На ней короткое джинсовое платье, подчеркивающее стройную, кукольную фигуру, босоножки на невысокой платформе и маленькая сумочка на длинном ремешке-цепочке.

— Да, — отвечает Ранья, чуть приподняв уголок губ, и снова отворачивается.

Девушка опускается рядом и, как и Ранья минутой ранее, оглядывает зал.

— Ого, сколько народу. Не думала, что новеньких будет

так много, — говорит она, то ли самой себе, то ли Ранье, а потом косится на Ранью и хихикает. — Ты сидишь так ровно, что мне даже стыдно разваливаться в кресле. Ты тоже перевелась?

— Нет, я здесь по обмену, на третьем курсе.

— А я Хейли, тоже третий курс, только я перевелась.

Она протягивает руку, и Ранья, улыбнувшись, пожимает ее.

— Ранья.

— Вау, какое необычное имя. Звучит по-арабски. Ты из арабской страны?

— Имя арабское, да, но я из Чечни, — отвечает Ранья и, заметив по лицу Хейли, что та, похоже, слышит это название впервые, уточняет. — Это республика в России.

— О-о, Россия? Надо же, это ведь так далеко! Рада познакомиться. А я из Айдахо, знаешь, где это?

— Честно говоря, нет, — смущенно улыбается Ранья. — Я по географии вообще ноль.

— Это штат на северо-западе, — смеется Хейли. — Не переживай, о нем даже половина американцев не помнит. У нас там кругом горы, так что к здешней жаре я до сих пор привыкнуть не могу.

— У нас тоже много гор, — улыбается Ранья, и на секунду ей становится немного теплее оттого, что у них нашлось что-то общее.

— А ты на каком направлении? — спрашивает Хейли.

— Менеджмент.

— Серьезно? — оживляется она. — Я тоже на бизнесе, только на маркетинге. Значит, у нас точно будут общие пары!

Ровно в девять свет в зале чуть приглушают, гул голосов постепенно стихает, и на сцену поднимается Патрисия. Розовые серьги вспыхивают в лучах прожекторов, и Ранья невольно улыбается, ведь не заметить ее сегодня просто невозможно.

— Доброе утро, Вестбрук! — звонко говорит Патрисия в микрофон, и зал нестройно отвечает ей тем же. — Меня зовут Патрисия Гомес, я работаю в службе поддержки иностранных студентов, и с некоторыми из вас мы уже успели познакомиться. Сегодня у вас особенный день. Неважно, приехали вы к нам с другого конца света или просто перевелись из другого университета, с этого дня вы часть нашей семьи.

Она рассказывает, как пройдет этот день. После приветствия всех разделят на небольшие группы по направлениям, и старшекурсники-волонтеры проведут для каждой группы экскурсию по кампусу, покажут, где что находится, и ответят на все вопросы. А после обеда их ждут еще несколько коротких встреч, где расскажут обо всем, что нужно знать новеньким.

— А если вы потеряетесь, запутаетесь или просто захотите поговорить, — Патрисия широко разводит руками, — моя дверь всегда открыта. И помните, здесь нет глупых во-

просов!

— Есть только глупые ответы, — шепчет Хейли, наклонившись к Ранье, и та, не удержавшись, тихо фыркает.

— А теперь, — продолжает Патрисия, — позвольте представить людей, которые будут с вами весь сегодняшний день. Встречайте наших волонтеров!

Зал хлопает, и на сцену один за другим поднимаются студенты-волонтеры в одинаковых синих футболках.

Последней на сцену поднимается девушка, которую Ранья узнает не сразу. Только когда та выходит под свет прожекторов, Ранья понимает, что это та самая девушка из компании у фонтана. Ее невозможно не заметить даже из середины зала. У нее длинные волнистые волосы цвета темного шоколада, безупречный макияж и тонкое восточное лицо с большими миндалевидными глазами, а на сцене она держится так свободно и уверенно, что сразу понятно, ей не впервой выступать перед толпой.

— Всем привет! Я Дина, третий курс, маркетинг, и сегодня я буду одной из ваших ведущих!

Зал хлопает. Дина говорит легко и весело, сыплет шутками, и уже через пять минут половина зала смеется вместе с ней.

Потом всех делят на небольшие группы по направлениям, человек по десять, и Ранья с Хейли попадают в группу бизнеса, которую ведет Дина.

Группа выходит во внутренний двор, к тенистым дере-

вьям, и рассаживается в круг прямо на траве. Дина раздает карточки с картой кампуса и расписанием дня, а дойдя до Раньи, на мгновение останавливается. Ее взгляд задерживается на черном хиджабе, и по лицу Дины видно, что она тоже ее узнала. Потом ее взгляд скользит дальше, по бежевому пиджаку, по рукам, сложенным на коленях, и что-то в ее лице едва заметно меняется. Улыбка остается на месте, но голос становится тише, почти доверительным.

— Кстати, в подвале библиотеки есть молельная комната, если тебе нужно. Ее не так-то просто найти.

Она протягивает Ранье карточку и будто между делом добавляет:

— И честно? Здесь тебя никто не осудит, если ты его снимешь. Тебя семья заставила его носить, я понимаю. Я сама через это прошла.

Хейли растерянно переводит взгляд с Дины на Ранью.

Ранья берет карточку и смотрит Дине прямо в глаза, спокойно и долго, пока та первой не отводит взгляд.

— Меня никто не заставлял, это мой выбор.

Она произносит это без злости, просто спокойно ставит точку.

На секунду в кругу становится тихо, а потом Дина коротко и легко смеется.

— Круто. Молодец. — И как ни в чем не бывало переходит к следующему студенту.

После знакомства в кругу Дина ведет группу на экскур-

сию по кампусу. Она идет первой, пятясь спиной вперед, как настоящий гид, и тараторит без остановки:

— Итак, это Библиотечная аллея, по сути главная улица кампуса. Заблудились — ищите Библиотечную аллею. А вон там столовая. Еда оплачивается студенческим, так что не теряйте его, иначе останетесь голодными!

Группа смеется, а Хейли, идущая рядом с Раньей, наклоняется к ней и шепчет:

— Надеюсь, кормят тут лучше, чем в моем прошлом университете. Там пицца была как картон, только картон, наверное, был вкуснее.

Ранья прячет улыбку. С Хейли ей легко, и, сама того не замечая, она все реже вспоминает о своем твердом решении ни с кем не сближаться.

Солнце поднимается все выше и начинает ощутимо припекать. Она машинально смотрит на телефон и понимает, что скоро время зухра.

Когда группу отпускают на обед, Хейли тут же тянет ее за рукав к столовой.

— Пойдем скорее, я умираю с голоду!

— Мне нужно помолиться, — мягко отвечает Ранья.

— О, конечно, конечно! Тогда я пойду с тобой, а потом вместе в столовую. Даже не обсуждается!

Стеклянная библиотека внутри оказывается прохладной и тихой, и после жары на улице Ранья с облегчением вздыхает. Они с Хейли спускаются по лестнице в подвал и в самом

конце пустого коридора находят нужную дверь.

— Я подожду тебя здесь, — шепчет Хейли и устраивается на скамейке у стены, доставая телефон.

Совершив омовение, Ранья подходит к двери с табличкой «Комната для молитвы». Рядом с ней низкая деревянная скамейка и полка для обуви, на которой уже стоят несколько пар мужских кроссовок. Ранья оставляет свои туфли на самом краю полки и, не поднимая глаз, проходит внутрь, сразу сворачивая за высокую деревянную ширму, которая делит комнату на две половины. На женской стороне никого нет. Она берет с полки молитвенный коврик, расстилает его и встает на намаз, и впервые за весь этот суматошный день вокруг нее становится по-настоящему тихо и спокойно.

Когда она выходит из-за ширмы, мужская половина уже пустеет. Ранья открывает дверь и тут же останавливается на пороге. У полки для обуви, поставив ногу на край скамейки, неторопливо завязывает шнурок тот самый парень с аллеи.

Дени.

А на другом краю скамейки сидит рыжий парень из той же компании у фонтана. Он тоже возится с кроссовками и что-то оживленно рассказывает.

Дени поднимает голову, и их взгляды встречаются.

— Ну, ассаламу алейкум, — говорит он легко и небрежно и тут же продолжает уже по-английски. — Мы ведь недавно виделись. Ты родственница Хасана?

Ранья вспоминает слова дяди о том, что ей не стоит с ним

разговаривать, но тут же думает, что проигнорировать своего же земляка было бы грубо и неуважительно. Поэтому она лишь коротко кивает.

— Племянница.

Она берет с полки свои туфли и отходит с ними к стене, чтобы обуться, радуясь, что их не нужно завязывать и она сможет уйти быстрее. Но у Дени, похоже, только сейчас просыпается настоящий интерес.

— Ты всегда так одеваешься? — Он окидывает взглядом ее строгий пиджак и усмехается. — Глядя на тебя, скорее подумаешь, что ты судья, а не студентка.

— А тебе есть дело до того, как я одеваюсь? — Это выходит даже резче, чем она собиралась.

Пальцы Дени, завязывающие шнурок уже на втором кроссовке, останавливаются, а потом он и вовсе поднимает руки, будто сдается.

— Воу, полегче. Я не хотел тебя обидеть, — говорит он, но в голосе у него звучит одна сплошная насмешка.

Ранья ничего не отвечает и разворачивается к выходу, но, сделав пару шагов, все-таки останавливается и оборачивается.

— Младшие не протягивают старшим руку первыми со словами «ассаламу алейкум». У чеченцев так не принято. Если ты, конечно, вообще считаешь себя чеченцем.

И, не дожидаясь ответа, уходит вместе с Хейли, которая все это время слушала их, приоткрыв рот.

— Ого, — шепчет Хейли, подхватывая ее под руку, когда они отходят подальше. — Ты только что отчитала такого красавчика?

Дени смотрит им вслед, так и оставив шнурок незавязанным. На его лице больше нет ни усмешки, ни прежней самоуверенности, одно только искреннее удивление.

Рыжий поднимается со скамейки, подходит к нему и со смешком опускает руку ему на плечо.

— Бро, нет, ну реально, как будто в суде отчитали. Вот это тебя уделали! Самого Дэнни!

— Заткнись, Адам.

***

Столовая оказывается огромной и светлой. Вместо одной из стен здесь сплошные панорамные окна от пола до потолка, и за ними, далеко внизу, синеет океан. Вдоль другой стены тянутся стойки с едой со всего мира, где есть и пицца с бургерами, и суши, и мексиканские тако, и азиатская лапша, а в самом конце, к удивлению Раньи, отдельная стойка с табличкой «Халяль».

— Ничего себе, — выдыхает Хейли, остановившись на пороге. — А я-то всю жизнь думала, что красивее, чем Большой зал в Хогвартсе, столовой не бывает.

Она еще немного оглядывается по сторонам, а потом, заметив табличку, тут же тянет Ранью за собой.

— О, смотри! Давай попробуем, мне самой интересно.

Они набирают себе на подносы курицу с рисом и овоща-

ми, свежие лепешки и салат, а на кассе Хейли показывает Ранье, как приложить студенческий к маленькому терминалу, чтобы оплатить обед. Терминал коротко пищит, и Ранья не может сдержать улыбку. Еще неделю назад она и представить не могла, что будет обедать в американской университетской столовой, расплачиваясь пластиковой карточкой.

Они садятся за столик у самого окна, и Ранья то и дело поворачивается к стеклу. Океан сверкает на солнце до самого горизонта, по нему медленно скользят белые точки парусников, и ей все еще не верится, что она видит все это наяву, а не во сне.

Хейли тем временем болтает без умолку и рассказывает о своей бабушке, которая до сих пор уверена, что внучка учится на врача.

— Я правда год отучилась на медицинском направлении, — признается она, накалывая на вилку кусочек курицы. — Все думали, что я стану врачом, и я тоже так думала. А потом меня занесло совсем в другую сферу. Я начала читать книги про маркетинг, они так затягивают, потом ходила на тренинги и поняла, что это намного интереснее, чем учить анатомию с моей-то памятью. — Она смеется. — Только бабушке я пока не сказала, у нее сердце слабое.

Ранья улыбается, представляя себе эту бабушку, и уже собирается что-то ответить, как вдруг где-то совсем рядом раздается сбивчивое:

— Простите, извините, пропустите, пожалуйста, спаси-

бо…

Между столиками, лавируя среди стульев, пробирается девушка с подносом в руках. На ней светлые джинсовые шорты до колен, голубая блузка и белые кроссовки, а на плечи спадают две темные косички. На носу у нее большие круглые очки, которые придают ей вид немного рассеянной отличницы. Она извиняется перед каждым, мимо кого проходит, и, как раз поравнявшись с их столиком, цепляется кроссовкой за ножку чужого стула.

— Нет-нет-нет, ловите!

Ранья вскакивает так быстро, что сама не успевает ничего понять, и в последний момент подхватывает поднос, а Хейли ловит за руку саму девушку, не давая ей упасть.

— О, Будда! Спасибо!

Хейли со смехом отпускает ее руку, а Ранья протягивает незнакомке поднос и возвращается на свое место.

Девушка с косичками уже собирается пройти дальше, но вдруг замедляет шаг и с любопытством разглядывает их обеих. Они и правда смотрятся вместе немного странно. Одна в коротком джинсовом платье, с распущенными светлыми волосами, а другая полностью закрытая и в строгом пиджаке, будто пришла на собеседование в Белый дом.

— Интересно, — тянет незнакомка. — А можно к вам присоединиться?

Хейли переглядывается с Раньей и с улыбкой кивает.

— Конечно, мы не против компании.

Ранья бы так не сказала. Не то чтобы она не любит людей, просто ее правила уже начинают давать трещины, и это ей совсем не нравится.

— О, класс! — Девушка опускается за круглый стол между ними и ставит перед собой поднос с картошкой фри и бургером. — Я Элис. Вообще-то Алисия, но здесь все зовут меня Элис. Третий курс, менеджмент. А вы? Полагаю, новенькие?

Хейли издает смешок.

— Тоже третий курс. Я на маркетинге, а Ранья на менеджменте. Меня, кстати, Хейли зовут.

— Очень приятно, — улыбается Элис и поворачивается к Ранье, открывая сырный соус и макая в него картошку. — Получается, мы с тобой будем чаще видеться на одних парах. А ты откуда перевелась?

— Я здесь по обмену, из Чечни, — вежливо улыбается Ранья.

— О-о, а я знаю, где это! — довольно протягивает Элис, вздернув подбородок, и отправляет в рот сразу три соломинки картошки.

— Правда? — удивляется Хейли.

— Ага, мой брат бывал в Грозном. Говорит, там второй Дубай.

Ранья лишь хмыкает, но ничего не говорит. Она уже привыкла, что все туристы называют Грозный вторым Дубаем.

— Теперь мне тоже захотелось посмотреть на этот город,

— говорит Хейли и поворачивается к Элис. — А ты, получается, учишься здесь с первого курса?

Та кивает.

— Ага. Вообще я родилась и выросла в Мексике, а потом родители решили переехать в Калифорнию. И как вы думаете, куда меня потянуло учиться? Конечно, в Вестбрук! Кто не мечтает о Вестбруке? Вы хоть знаете, сколько абитуриентов сюда подает документы и сколько из них не поступает? Нам всем очень повезло, благодарите Будду! — Тут ее взгляд падает на хиджаб Раньи, и Элис ойкает. — Ну, то есть Бога.

— Так ты буддистка? — уточняет Хейли, откусывая кусочек курицы в соусе.

Элис отвечает не сразу, пожимая плечами.

— Честно говоря, мои родители, да и вообще вся моя семья — католики.

— О, я тоже, — говорит Хейли.

— А я нет, — отзывается Элис. — Но и буддисткой я бы себя не назвала. Просто я пару раз была в Тибете, и нам там устроили такую экскурсию по храмам, даже заставили медитировать, что я теперь по привычке поминаю Будду. Кто знает, может, в душе я и правда буддистка.

Ранья отпивает сок и поглядывает на телефон, проверяя, нет ли сообщений или пропущенных звонков от дяди. Там только одно сообщение от Хавы, которая спрашивает, как у нее дела. Ранья пишет ответ, а когда откладывает телефон, поднимает голову, и ее взгляд сам собой останавливается на

входе в столовую. Туда как раз заходит Дени вместе с тем рыжим парнем, которого она недавно видела у молельной комнаты, и они о чем-то оживленно разговаривают. И, будто почувствовав на себе ее взгляд, Дени поворачивает голову, на секунду задерживает на ней глаза, а потом, усмехнувшись, подмигивает.

Ранья вздрагивает и тут же отворачивается, чуть нахмурив брови. Это еще что было?

Элис, которая, оказывается, с самого начала проследила за ее взглядом, медленно поворачивается к ней и задает ровно тот же вопрос, что только что возник в голове у самой Раньи.

— Это еще что было?

Ранья молчит, зато Хейли тихонько хихикает, опустив взгляд в тарелку.

Элис, конечно, это замечает и теперь переводит взгляд с одной на другую.

— Та-ак. Интересно. — Она хитро щурится и подпирает подбородок кулаком. — И что же вас, новеньких, связывает с Дэнни? Рассказывайте.

— Дэнни? — Хейли поднимает брови. — Ты его знаешь?

Элис издает смешок, будто услышала что-то совсем нелепое.

— Подруга, он тоже третий курс, на менеджменте, так что мы с ним вечно сидим на одних парах. Конечно, я его знаю, как и вся бизнес-школа.

Ранья смотрит на Элис и сама не понимает, интересно ей это или нет, но не перебивает, когда та с воодушевлением принимается пересказывать его биографию. Вернее, его университетскую биографию, ведь о семье Дени Элис не говорит ни слова.

— Дэнни — тот самый популярный и недоступный красавчик.

— А почему недоступный? Он занят? — интересуется Хейли, спокойно продолжая есть и поглядывая на Ранью так, словно ждет, что у той вот-вот порозовеют щеки.

Но Ранье как будто все равно. Ей и вправду все равно.

— Не-а, как раз поэтому и недоступный. Сколько девушек ему признавались и пытались с ним флиртовать — пальцев не хватит сосчитать, а наш принц никого не жалеет, хоть плачь перед ним.

— А чего так? — Хейли приподнимает бровь. — Ему что, когда-то разбили сердце и теперь он во всех разочарован?

Элис пожимает плечами.

— С первого курса его ни с кем не видели. Так что версий тут несколько. — Она загибает палец. — Версия первая. У него слишком завышенные требования, он быстро теряет интерес и, видите ли, ищет только идеальную. — Загибает второй. — Версия вторая. Он не встречается ни с кем открыто из-за религии. И версия третья, моя любимая. Он тайно помолвлен с какой-то принцессой. — Элис театрально вздыхает. — Лично я считаю, что он просто слишком занят тем,

что любуется собой в зеркале своей любимой тачки.

Хейли смеется так громко, что за соседними столиками оборачиваются, и Элис, довольная произведенным эффектом, коротко кивает.

— Вот такой у нас Дэнни. Самовлюбленный, самоуверенный, но что уж скрывать, красавчик ведь. Еще и боксер, кстати.

Хейли невольно присвистывает и снова косится на Ранью, пытаясь уловить хоть какую-нибудь реакцию, но та невозмутимо отвечает на очередное сообщение Хавы, будто ничего вокруг не слышит.

— Прямо настоящий боксер? — уточняет Хейли.

— Ну, не профессиональный, конечно. Тут есть боксерский клуб, он ходит туда каждый четверг, а в остальные дни занимается силовыми.

— Ты что, его фанатка? — смеется Хейли, удивляясь тому, сколько эта девчонка знает об одном парне, вплоть до расписания его тренировок. — Это пугает, дорогая.

Элис фыркает.

— Подойди сейчас к любой девушке и спроси про Дэнни, тебе расскажут еще больше, чем я. Это всем известные факты.

Ранья вздыхает и откладывает телефон.

— Почему мы вообще говорим о Дени? Или о Дэнни, как вы его там зовете.

— Дени? — Элис хмурится. — Его зовут Дэнни.

— Его зовут Дени, — все равно поправляет ее Ранья. — Это его настоящее имя.

Хейли изо всех сил сдерживает улыбку, которая так и норовит расползтись во все лицо, и прикусывает губу.

Элис несколько секунд молча смотрит на Ранью, а потом подается вперед, подперев ладонями уже обе щеки.

— Рассказывай, подруга. Что у вас с ним? Откуда вы знакомы? Ты же вроде совсем недавно прилетела из Чечни, а Дэнни всю жизнь прожил здесь. Ну? Раскроешь карты?

Ранья чувствует себя так, будто сидит на детекторе лжи, и невольно подбирается. Как она вообще оказалась втянута в обсуждение этого Дени? Слишком уж много внимания и разговоров вокруг одного человека.

— Ничего неожиданного и удивительного. Просто он тоже чеченец, как и я. Он здоровался с моим дядей, а я была рядом, вот он меня и запомнил.

Ей совсем не хочется отчитываться перед людьми, которых она не знает даже одного полного дня, но приходится, чтобы они не начали додумывать сами и, не дай Бог, не пустили какие-нибудь слухи.

— Хм, — коротко бросает Элис. — Чеченец, значит… Кажется, не все знают о Дэнни такие подробности. Внесем в список. — Она кивает и отпивает газировку из банки. — Ранья знает то, чего не знают другие. Да это же сенсация!

Ранья растерянно смотрит на нее, а потом переводит взгляд на Хейли с немым вопросом, не пожалеет ли она по-

том об этом разговоре. Та лишь пожимает плечами, будто и правда услышала ее мысли.

— А давайте обменяемся номерами! — Элис достает телефон и сначала протягивает его Хейли.

Хейли тут же вбивает свой номер, а вот Ранья не торопится.

— Эй, не обижай меня, — щурится Элис, и Ранья, мысленно молясь, чтобы потом не пожалеть, все-таки вводит и свой.

— Отлично! Увидимся на первой паре! Я уже видела расписание, у нас общая лекция.

Ранья откидывается на спинку стула и не позволяет себе обернуться туда, где сидит Дени. Занятия еще даже не начались, а ей уже неспокойно, будто что-то обязательно пойдет не так.

Похоже, тревожность снова берет над ней верх.

Глава 4. Пропущенный артикль

Дни до начала занятий проходят в приятной суматохе. Уже на следующее утро Хасан привозит для комнаты Раньи новый письменный стол из светлого дерева, к нему удобный стул и настольную лампу, и маленькая комната сразу становится светлее и уютнее. Следом он вручает ей коробку с новым ноутбуком и весь вечер терпеливо помогает его настроить, объясняя, как заходить в студенческую почту и где искать расписание. На следующий день они едут в магазин канцелярии и возвращаются с целым пакетом тетрадей, ручек, маркеров и разноцветных стикеров, хотя Ранья уверяла, что ей хватит и пары тетрадей.

А когда до начала учебы остается два дня, Хасан отвозит Хаву с Раньей в большой торговый центр и уезжает, оставив их там почти на весь день. Хава ведет ее из одного магазина в другой, заставляет примерять то пиджаки, то длинные юбки, то блузки, и домой они возвращаются только к вечеру, нагруженные пакетами. Ими заставлена теперь почти вся комната Раньи. Тут и одежда, и обувь, и сумки, и аксессуары, и косметика, уходовая и декоративная. Как Ранья ни пыталась возразить, что у нее все есть и ей всего хватит, ни Хасан, ни Хава даже слушать ее не стали, и ей пришлось сдаться, хотя внутри было ужасно неловко.

И вот наступает понедельник.

Ранья стоит перед зеркалом в голубом пиджаке, перехваченном на талии тонким ремешком, в длинной белой юбке и белом хиджабе. С утра так солнечно, что хочется одеться во что-нибудь светлое, совсем как она одевалась дома, в Чечне.

— Ничего я не похожа на судью, — бурчит она вслух, разглядывая свое отражение.

— Кто так сказал?

Ранья оборачивается на голос Хавы и смущенно отводит взгляд.

— Не похожа ведь? — неуверенно спрашивает она вместо ответа.

Хава подходит ближе, кладет руки ей на плечи и оглядывает ее с головы до ног.

— Ты выглядишь очень стильно. У нас дома все девушки так одеваются. Ты хоть понимаешь, какая ты сейчас красивая?

Ранья молчит секунду, а потом уголки ее губ сами собой ползут вверх.

— Понимаю. Но здесь я, видимо, как белая ворона.

— Не обращай внимания. Они бы обсуждали тебя, даже если бы ты пришла туда в черной абае. Особенно тогда. Людям никогда не угодишь. Но повторю еще раз, Ранья, ты выглядишь роскошно.

— Да, на все сто, — раздается с порога, и обе оборачиваются.

Седа стоит, прислонившись к дверному косяку, и улыба-

ется.

— Сестренка, ты прямо вся светишься. Для кого так нарядилась?

Ранья прищуривается, но ничуть не смущается. С чего бы ей смущаться?

— Я всегда так одеваюсь дома.

— Седа, иди в машину, — говорит Хава. — Отец отвезет вас с Мансуром в школу, а Ранью в университет. — Она снова поворачивается к Ранье и ласково сжимает ее плечи. — Не волнуйся. Дай себе неделю, и ты ко всему привыкнешь. Удачи, родная.

* * *

Высадив Седу и Мансура у школы, Хасан везет Ранью в университет, и вскоре серебристая «Тойота» сворачивает не к главному входу, а на парковку для преподавателей. Над океаном висит легкая белая дымка. Пальмы на Библиотечной аллее в утреннем свете кажутся нарисованными карандашом.

Хасан глушит мотор, берет с заднего сиденья свой кожаный портфель и выходит из машины вместе с ней.

— Пойдем, провожу тебя.

Ранья поправляет на плече новый рюкзак и мельком проверяет хиджаб в отражении стекла.

Они идут через кампус, и Ранья быстро замечает, что дядю здесь знают. Охранник у входа в корпус кивает ему и желает доброго утра, двое студентов с рюкзаками уступают ему

дорогу, а какая-то преподавательница останавливается перекинуться парой слов и с любопытством поглядывает на Ранью.

— Это Хейз-холл, корпус бизнес-школы, — объясняет Хасан, не сбавляя шага. — Здесь у тебя почти все пары. Мой кабинет в соседнем здании, на третьем этаже, триста двенадцатый. Если что-то случится, сразу приходи ко мне, не стесняйся и не жди.

— Хорошо.

— Ты запомнила, где что находится? Если нет, загляни в карту кампуса, вам ведь, наверное, ее раздавали.

— Раздавали. Но я почти все запомнила.

Хасан одобрительно кивает.

В кармане вибрирует телефон. Это группа в WhatsApp, которую Элис создала в тот же день, когда они обменялись номерами, и назвала *Business Girlies* с тремя розовыми сердечками.

Элис: Маркетинг, аудитория 214, Хейз-холл!!! Заняла нам места в четвертом ряду!

Хейли: Уже паркуюсь!!!

Ранья: Уже вхожу!

На втором этаже, у двери с табличкой «214», стоит женщина лет пятидесяти с темными волосами, подстриженными в аккуратное каре, в очках на цепочке, строгом темном пиджаке, классических брюках и туфлях на невысоком каблуке. Увидев Хасана, она приветливо улыбается.

— Хасан, доброе утро! Неужели вы сегодня решили заглянуть к нам на маркетинг?

— Доброе утро, профессор Лэнг, — с легкой улыбкой отвечает Хасан. — Нет, я только привел к вам новую студентку. Это Ранья, моя племянница. Она приехала к нам по обмену на целый год.

Профессор Лэнг переводит взгляд на Ранью и с интересом ее разглядывает.

— Рада знакомству, Ранья. Добро пожаловать. Ваш дядя один из самых уважаемых профессоров в Вестбруке, так что, глядишь, и вы у нас скоро прославитесь.

— Спасибо, мне тоже очень приятно, — улыбается Ранья.

— Не волнуйтесь за нее, Хасан, — добавляет профессор Лэнг. — У меня на парах еще никто не потерялся.

Хасан поворачивается к Ранье.

— Ну, удачи тебе. Если что, звони.

Он уходит по коридору, не оглядываясь, и Ранья заходит в аудиторию.

Аудитория 214 оказывается амфитеатром. Ряды кресел ступеньками поднимаются вверх, а внизу стоят кафедра и большой экран. Здесь человек шестьдесят, у всех ноутбуки, а у половины еще и стаканы с кофе.

Элис в своих больших круглых очках машет ей рукой из четвертого ряда. Ранья поднимается к ней и садится рядом, а минуты через две с другой стороны, тяжело дыша, плюхается в кресло Хейли.

— Там столько машин, что я, кажется, оставила свою где-то в другом измерении.

Ровно в девять дверь закрывается, и профессор Лэнг выходит к кафедре. На экране загорается надпись «Принципы маркетинга», а под ней имя профессора.

— Доброе утро. Телефоны убираем, ноутбуки открываем. Все, что нужно знать о курсе, то есть темы, сроки сдачи и правила оценки, уже лежит на учебной платформе Canvas. Прочитайте это внимательно и целиком, потому что на вопросы, ответ на которые там уже есть, я отвечать не буду.

По рядам пробегает нервный смешок. Элис наклоняется к Ранье и шепчет:

— Не пугайся, это она так здоровается. На самом деле она тут самая классная.

Профессор Лэнг листает слайды. Тридцать процентов оценки дает групповой проект, двадцать промежуточный экзамен, тридцать финальный и еще двадцать участие в обсуждениях.

— Участие означает, что вы говорите. А не просто присутствуете в аудитории.

Ранья быстро записывает в тетрадь «participation — участие. Говорить!!!» и подчеркивает последнее слово дважды.

Элис тем временем оглядывает аудиторию, будто кого-то ищет, задерживает взгляд на двери и, понизив голос, сообщает:

— Сейчас явится наш вечный опоздун. Спорим, скажет,

что были пробки?

Ранья даже не успевает спросить, о ком она, как в 9:12 дверь тихо открывается.

Дени входит так, будто опоздал вовсе не он, а пара началась слишком рано. На нем белая футболка, поверх нее расстегнутая светло-голубая рубашка с закатанными рукавами, светлые джинсы и белые кроссовки. В одной руке у него кофе, а на пальце другой болтаются ключи от машины. За ним бочком протискивается Адам с виноватым лицом.

Профессор Лэнг поворачивается, опускает очки на кончик носа и смотрит на них поверх.

— Мистер Дэнни. Как мило, что вы к нам присоединились.

— Пробки, профессор.

— У вас «пробки» с первого курса. — Она переводит взгляд на Адама, который старается стать как можно незаметнее. — А вот вы, Адам, раньше приходили вовремя. Видимо, опоздания заразны. Садитесь оба.

Аудитория хихикает, а Элис торжествующе толкает Ранью локтем. Мол, я же говорила.

Свободные места остались только в пятом ряду, прямо за ними. Дени поднимается по ступенькам, садится точно за спиной у Раньи и, поставив кофе на стол перед собой, наклоняется вперед.

— *Morning, Judge (Доброе утро, Судья)*, — вполголоса говорит он.

Ранья не оборачивается. Зато Элис медленно поворачивает к ней голову, и брови у нее ползут вверх. Она переводит взгляд с Раньи на Дени и обратно, задерживается на голубом пиджаке, потом на голубой рубашке, и глаза за круглыми очками становятся еще больше.

— Подождите-ка, — шепчет она, но достаточно громко, чтобы услышали оба. — Вы что, договорились одеться в одном цвете?

— Нет, — в один голос отвечают Ранья и Дени. Ранья выпаливает это резко, а Дени тянет неторопливо, с усмешкой, будто это открытие его скорее приятно удивило, чем смутило.

Хейли прыскает и тут же прикрывает рот ладонью. У Раньи вспыхивают щеки, и она поспешно отворачивается к экрану, будто там происходит что-то невероятно важное, а Дени, как ни в чем не бывало, откидывается на спинку кресла.

— Чую, что меня водят за нос, — щурится Элис. Она еще раз оглядывается на явно довольного собой Дени, но снизу уже раздается голос профессора Лэнг, и ей приходится отвернуться. — Ты явно что-то скрываешь, подруга, — шепчет она, чуть толкнув Ранью локтем.

Профессор Лэнг, вернув очки на место, держит в руках стопку белых картонок.

— Возьмите по одной и передайте дальше, — говорит она, протягивая стопку в первый ряд. — Сложите пополам и на-

пишите свое имя, только крупно, чтобы я могла прочитать его даже отсюда. Пусть табличка стоит перед вами на каждом занятии. Я ставлю баллы за участие, а для этого мне нужно знать, кто именно говорит.

Картонки идут по рядам. Ранья старательно выводит маркером «RANYA», а позади слышно, как кто-то лениво щелкает колпачком ручки.

— А раз в этом семестре у нас есть новенькие, — профессор Лэнг заглядывает в список, — давайте с ними познакомимся. Расскажите, как вас зовут, откуда вы и что-нибудь такое о себе, о чем никто здесь не догадался бы. Начнем со студентки по обмену. Ранья?

Шестьдесят голов поворачиваются в ее сторону.

Ранья поднимает взгляд на профессора Лэнг. Та ждет спокойно, чуть наклонив голову и держа ручку над списком. Потом Ранья медленно обводит глазами аудиторию. Кто-то смотрит с вежливым любопытством, кто-то уже снова косится в телефон под столом. Девушка в первом ряду задерживает взгляд на ее хиджабе чуть дольше, чем на лице, а парень у окна жует жвачку и ждет, будет ли смешно.

Наискосок от нее, во втором ряду, Ранья замечает Дину. Та сидит вполоборота, закинув ногу на ногу, и смотрит на нее без тени улыбки, так же изучающе, как в первый день. А потом ее взгляд скользит дальше, за спину Раньи, и задерживается там.

А прямо за спиной сидит он, и тишина там такая выжида-

ющая, что почти слышно, как он улыбается.

Сердце колотится где-то в горле, а английские слова, которые она так старательно учила, разом куда-то прячутся. Ранья выпрямляет спину, кладет ладони на тетрадь, где дважды подчеркнуто «Говорить!!!», и чувствует под пальцами шершавую бумагу.

Элис едва заметно толкает ее коленом под столом. Мол, давай, ты сможешь.

Ранья делает вдох.

— *Hello. My name is Ranya. I am from Chechnya. It is in Russia, in the Caucasus mountains. (Здравствуйте. Меня зовут Ранья. Я из Чечни. Это в России, в горах Кавказа.)*

Голос сначала звучит тише, чем ей хотелось бы, но с каждым словом становится ровнее.

— *I am exchange student, for one year. And something nobody would guess… (Я студентка по обмену, на один год. А то, о чем никто не догадается…)* — Она на секунду задумывается, и уголки губ сами собой ползут вверх. — *Before this month I had never left Chechnya. This is my first time on an airplane and my first time in another country. (До этого месяца я ни разу не выезжала из Чечни. Это мой первый полет на самолете и первый раз в другой стране.)*

На секунду в аудитории становится тихо, а потом кто-то с задних рядов восхищенно присвистывает.

— И сразу в Калифорнию!

Аудитория смеется, и этот смех катится по рядам, теплый

и одобрительный. Кое-где даже хлопают, и парень у окна, перестав жевать жвачку, хлопает вместе со всеми.

— Первый раз из дома, и сразу на другой конец света. Это смело, — улыбается уголком губ профессор Лэнг. — Добро пожаловать, Ранья.

Элис коротко сжимает ее руку под столом.

— Крутая!

Ранья наконец выдыхает, и сердце понемногу успокаивается.

— Ты пропустила артикль, — раздается сзади негромкий голос.

— Что? — Ранья, не понимая, чуть поворачивает голову.

— *I am an exchange student (Я студентка по обмену)*.

Элис фыркает, глядя на них.

— *And you missed beginning of class (А ты пропустил начало пары)*, — бросает Ранья через плечо.

— *The beginning*, — тут же лениво поправляет Дени, нарочно выделив артикль.

На этот раз смехом давится уже Хейли. Ранья плотно сжимает губы и отворачивается обратно, а позади раздается короткий довольный смешок.

— Хейли? — продолжает профессор, и Хейли, перестав смеяться, от неожиданности вскакивает с места, но тут же спохватывается и садится обратно.

— Привет! Я Хейли, перевелась к вам из Айдахо. И… моя бабушка до сих пор думает, что я учусь на врача. Пожалуй-

ста, не говорите ей.

Аудитория смеется, и Ранья прячет улыбку, ведь эту историю она уже слышала. Профессор Лэнг сухо кивает.

— Ваша тайна в безопасности. Наверное.

Не успевает она назвать следующее имя, как Элис вдруг вскидывает руку.

— А можно я? Я не новенькая, просто чувствую себя обделенной.

— Элис. Вы уже были у меня на занятиях.

— Знаю! Но новенькие должны это знать. — Элис поворачивается к аудитории. — Я дважды была в Тибете и даже медитировала там вместе с монахами. Так что если я вдруг посреди пары скажу «О, Будда!», не пугайтесь, это просто привычка.

Теперь хохочет уже вся аудитория, а Ранья с Хейли, переглянувшись, улыбаются.

— Спасибо, Элис. Очень… познавательно.

Элис садится, страшно довольная собой, и шепчет Ранье:

— Зато теперь меня запомнят.

— Айзея?

С шестого ряда поднимает руку высокий темнокожий парень с аккуратно подстриженной бородкой и в рубашке, застегнутой на все пуговицы.

— Айзея Брукс. Перевелся из Атланты, Джорджия. А то, о чем никто не догадается, так это то, что я с шести лет играю на виолончели.

Кто-то одобрительно свистит. Айзея улыбается краешком губ и опускает руку.

— Тимур? — называет профессор Лэнг следующее имя.

Из седьмого ряда, у самой стены, отвечает низкий спокойный голос.

— Тимур. Из Грозного, Чечня. Два года учился в Москве, теперь перевелся сюда, чтобы доучиться.

Ранья тут же поднимает голову и оборачивается. Она просто не может не обернуться.

Он сидит спокойно, без всякого напряжения, но и не развалившись в кресле, как половина аудитории. У него коротко остриженные темные волосы, аккуратная борода, черная рубашка и простые часы на кожаном ремешке. Лицо резкое и серьезное, взгляд тяжелый и прямой, и в этом лице нет ни насмешки, ни игры. На профессора он смотрит так, будто отвечает не на легкий вопрос в первый день, а дает показания. Английский у него с заметным акцентом, но твердый, без единой запинки.

— То, о чем никто не догадается… — Он на секунду задумывается, будто прикидывает, стоит ли вообще рассказывать о себе что-то еще, и говорит первое, что приходит в голову. — Я никогда не опаздываю.

Секунду стоит тишина, а потом аудитория взрывается смехом, ведь все помнят, кто сегодня пришел с опозданием.

Профессор Лэнг поднимает брови и смотрит поверх очков куда-то за спину Раньи.

— Что ж. Он мне уже нравится.

Тимур не улыбается. Он только коротко кивает и опускает глаза в ноутбук.

А Ранья все еще не может поверить. Чеченец. Здесь, в этой аудитории, на другом конце света.

И в этот момент Тимур поднимает взгляд, находит ее глазами, на одно мгновение задерживает его на ее хиджабе и едва заметно, по-мужски сдержанно кивает. Так кивают своим. Ранья тут же отворачивается к доске.

За спиной у Раньи становится очень тихо. Ни щелчка колпачка, ни шороха.

Дальше начинается сама лекция. Профессор Лэнг выводит на экран четыре слова на букву P и объясняет, что на них держится весь маркетинг. *Product (продукт)* — это то, что ты продаешь. *Price (цена)* — сколько за это готовы платить. *Place (место)* — где и как человек может это купить. А *promotion (продвижение)* — как он вообще узнает, что ты существуешь.

— Запомните одну вещь, — говорит она, обводя взглядом ряды. — Бизнес редко закрывается оттого, что у него плохой товар. Чаще всего товар как раз хороший, просто в одной из этих четырех букв что-то ломается, а владелец этого даже не замечает. Хороший маркетолог похож на врача. Сначала он ищет, где болит, и только потом лечит.

Ранья записывает все подряд, а незнакомые слова тут же переводит со словарем в ноутбуке. Дважды Лэнг задает во-

прос аудитории, и дважды первой поднимает руку Дина. Она отвечает уверенно, с правильными терминами, и Ранья запоминает, как та строит фразы. Пригодится.

Минут за двадцать до конца пары профессор Лэнг выключает слайды и опирается о кафедру.

— А теперь о главном. О том, из-за чего некоторые из вас будут ненавидеть меня ближайшие два месяца. Групповой проект.

По рядам пробегает шорох, кто-то нервно хихикает.

— Каждая команда найдет в Сан-Диего настоящий маленький бизнес, который потихоньку угасает. Это может быть семейное кафе с пустыми столиками, старая лавка, в которую давно никто не заходит, или мастерская, о которой забыл весь район. Только никаких сетей и крупных компаний. Вы придете к владельцу, познакомитесь с ним, поговорите с его покупателями и выясните, в какой из четырех Р у него что-то сломалось. А потом не просто напишете красивый план, а вместе с владельцем воплотите его в жизнь и покажете мне результат.

Она начинает загибать пальцы.

— Через две недели вы сообщаете мне, какой бизнес выбрали и почему. Через месяц сдаете промежуточный отчет. А ровно через два месяца вас ждет финальная презентация, прямо здесь, перед всей аудиторией.

— А если владелец не захочет с нами работать? — раздается голос откуда-то сверху.

— Значит, вы плохо его убедили, — невозмутимо отвечает Лэнг. — Это тоже маркетинг.

По рядам снова прокатывается смех, но уже не такой беззаботный.

— Команды будут по четыре человека, и распределю их я сама, случайным образом. Увидите их в Canvas в среду, к следующему занятию. Никаких обменов, никаких жалоб и никаких «но моя лучшая подруга в другой команде». Добро пожаловать в реальный мир.

По аудитории проходит дружный стон.

Ранья опускает взгляд в тетрадь и мысленно просит только об одном. Пусть в ее команде окажутся Элис и Хейли. И кто угодно, только не тот, кто сидит у нее за спиной.

* * *

В коридоре шумно. Двери всех аудиторий открылись разом, и студенты текут к лестницам. Ранья, Хейли и Элис останавливаются у окна, где Элис пытается одновременно открыть Canvas на телефоне и объяснить Ранье, как им пользоваться.

— Ассаламу алейкум.

Ранья оборачивается.

В паре шагов от нее стоит Тимур. Не слишком близко, ровно на том расстоянии, на каком чеченский мужчина останавливается перед незнакомой девушкой. Рюкзак висит у него на одном плече, взгляд прямой, но без нахальства.

— Ва алейкум ассалам, — отвечает Ранья.

— Извини, что останавливаю, — говорит он по-чеченски, и в его голосе нет ничего от американской легкости, только четкие, твердые слова, как дома. — Услышал, что ты из Чечни. А откуда именно?

— Из Ведено.

— Бывал там у родственников. — Он чуть кивает, будто сразу представил себе эти места. — А чья будешь?

Самый обычный вопрос, который в Чечне задают при знакомстве, чтобы понять, из какого ты рода и нет ли у вас общих знакомых.

— Магомадовы. Мой дядя, Хасан, преподает в этом университете.

Тимур на секунду задумывается, будто что-то припоминая, а потом его лицо светлеет.

— Так значит, это ты… Мой отец живет здесь уже пятый год, а я недавно приехал к нему вместе с мамой и старшей сестрой. Твой дядя на днях был у нас в гостях и рассказывал, что к нему на год приехала учиться племянница. Выходит, речь шла о тебе. — Он сдержанно улыбается.

Ранья удивленно приподнимает брови. Дядя ни словом не обмолвился, что здесь живет еще одна чеченская семья, тем более что их сын будет учиться вместе с ней.

Элис с Хейли тем временем молча переглядываются, не понимая ни слова, но, судя по их лицам, обе страшно жалеют об этом.

Дверь аудитории снова открывается, и в коридор выходят

Дени с Адамом. Заметив их у окна, Дени чуть замедляет шаг. Тимур поворачивается к нему и коротко кивает.

— Ассаламу алейкум. Ты ведь тоже чеченец. — Это звучит не как вопрос и не как утверждение, а скорее как уточнение. — Видел тебя в мечети с Ибрагимом.

Дени молчит секунду, а потом уголок его губ ползет вверх в той самой кривой усмешке.

— *Hey, man (Привет, друг)*, — небрежно бросает он и, не останавливаясь, идет дальше по коридору. Адам, неловко улыбнувшись им всем сразу, спешит следом.

Тимур долго и недовольно смотрит ему вслед.

— Чеченец, а ведет себя как чужой, — негромко произносит он. — Хотя что с него взять, вырос-то в чужой стране.

Ранья ничего не говорит. Перед глазами у нее снова встает та встреча у ступеней, когда Дени на чеченскую речь дяди ответил по-английски.

Тимур снова поворачивается к ней.

— Ладно, не буду тебя задерживать. Если что-то понадобится, обращайся в любое время. Нас тут мало, своих надо держаться.

Он коротко кивает Элис с Хейли, потом Ранье и уходит в сторону лестницы.

Ранья еще какое-то время смотрит ему вслед. Два чеченца в одном коридоре, на другом конце света, и такие разные, будто их растили на разных планетах. Один говорит с ней так, словно они стоят где-то дома, в Чечне, а другой отвечает

на салам по-английски и уходит, даже не обернувшись.

Глава 5. Круглый стол

До следующей пары у них почти два часа, и Элис решительно объявляет, что такое окно грешно проводить где-то, кроме столовой. Всю дорогу туда девушки не отпускают Ранью ни на шаг. Они подхватывают ее под руки с обеих сторон и наперебой засыпают вопросами. Кто этот парень? Откуда она знает новенького? Они что, прилетели вместе? И о чем они так долго говорили? Элис даже пытается повторить звуки, которых никогда раньше не слышала, но выходит у нее что-то такое, чего в чеченском языке точно нет. Хейли с самым серьезным видом замечает, что Ранья произносила их совсем не так, и пробует сама, но получается еще хуже. Тут Ранья не выдерживает и смеется.

В столовой они расходятся по разным стойкам. Ранья берет с халяльной стойки запеченный картофель с курицей и сыром, Элис возвращается с двумя бургерами и горой картошки фри, а Хейли ставит на стол миску салата с киноа и авокадо. Элис смотрит на этот салат так, будто та принесла с собой траву с газона.

— Что? — невозмутимо спрашивает Хейли. — Я слежу за фигурой.

— Только смотри не переборщи, — шутливо морщится Элис и, едва усевшись, берется за бургер. — Ну так что? Кто этот Тимур?

— Просто он тоже чеченец, — отвечает Ранья. — Оказывается, он недавно прилетел сюда, как и я.

— А разговаривали вы так, будто вместе в школе учились.

— У чеченцев так принято, — улыбается Ранья. — Если мы встречаем своего где-то вдали от дома, то обязательно здороваемся, спрашиваем, не нужна ли помощь, и если что, всегда помогаем.

— Серьезно?

Ранья совершенно серьезно кивает.

— Он спросил, откуда я и чья я.

— Чья… ты? — медленно повторяет Хейли и даже откладывает вилку. — Он что, типа на тебя претендует?

— Нет, нет, — смеется Ранья. — Так спрашивают, чтобы узнать, из какой ты семьи и нет ли у вас общих родственников или знакомых.

— Ого, — в один голос тянут девушки.

— Таков уж чеченский народ. Мы держимся своих. — Она чуть вздыхает. — Мне даже спокойнее стало. Он к тому же знает моего дядю, так что теперь можно не переживать, что ко мне кто-нибудь пристанет.

Элис задумчиво смотрит на нее, будто пытается что-то сложить у себя в голове.

— А если все-таки пристанет? Что он сделает?

Ранья поднимает на нее взгляд, но пока она подбирает слова, Хейли издает смешок.

— Я так понимаю, по голове точно не погладит. О, смот-

рите, кто идет.

Девушки поворачивают головы. В столовую входят трое парней, и Ранья, конечно, сразу узнает Дени. Он идет впереди своей ленивой походкой. Одна рука у него в кармане джинсов, а другой он подхватывает со стойки поднос. Следом идет Адам и что-то оживленно ему рассказывает, а рядом с Адамом третий парень, чьего имени Ранья не знает. Она не может вспомнить, был ли он тогда в компании Дени на аллее. Волосы у него темно-русые, уложенные в ту самую стильную прическу, с какой обычно ходят американские парни, за которыми бегают все девушки. По крайней мере, так их показывают в фильмах. Он перекидывается с Дени парой фраз, тот коротко усмехается в ответ и направляется к халяльной стойке.

Девушки наконец отводят взгляды и возвращаются к еде. Элис рассказывает про свой первый день в Вестбруке, про то, как от неуклюжести опрокинула стакан сока прямо на какого-то красавчика и потом полдня ходила за ним с извинениями. Ранья с Хейли то и дело смеются, но вдруг Элис замолкает на полуслове и смотрит куда-то Ранье за спину. Ранья недоуменно глядит на нее, пока совсем рядом не раздается знакомый голос.

— *Judge (Судья)*, — бросает Дени вместо приветствия, проходя мимо их столика все так же с рукой в кармане и полным подносом в другой. — Приятного аппетита.

И идет дальше.

Ранья перестает жевать и опускает взгляд в тарелку, уже не зная, как вообще реагировать на этого человека. Она берет стакан с соком и делает несколько медленных глотков.

Элис быстро-быстро покусывает губы, будто изо всех сил сдерживается, но не выдерживает и минуты.

— Вы встречаетесь?

Ранья давится соком, и Хейли приходится несколько раз похлопать ее по спине. Элис же смотрит на нее, прищурившись, будто ждет, что та вот-вот проговорится.

— Подруга, долго ты это не скроешь, так что признавайся.

— С чего ты вообще взяла этот бред? — откашлявшись, в искреннем недоумении спрашивает Ранья. Разве по ней можно подумать, что ей нравится этот парень?

— Бред? Я знаю Дэнни два года, и поверь, бредом я бы это точно не назвала. — Элис хмыкает и складывает руки на груди. — Он ни на кого не обращает столько внимания. Да что там, он вообще почти ни с кем не здоровается, кроме своей компании. А ты в этом университете без году неделя, и он уже дал тебе прозвище, поправляет тебя, желает доброго утра и приятного аппетита. Он обращает на тебя внимание!

— А это плохо? — прыснув, спрашивает Хейли.

— Это странно, — отвечает Элис. — Нет, зная его, это даже пугает. Либо вы встречаетесь, либо он в тебя влюблен.

Ранья смеется, искренне, чуть запрокинув голову и прикрыв рот ладонью.

— Браво. Ты случайно не писательница?

Элис довольно хмыкает и снова берется за картошку.

— Вообще-то я мечтала стать режиссером… Не уводи меня от темы, не получится. Я до сих пор не могу забыть, что вы пришли в одинаковых цветах. Разве это не значит, что люди встречаются? — спрашивает она у Хейли, и та задумчиво кивает.

— Ну, типа парные образы, да.

— Вот!

Ранья вздыхает и качает головой.

— Мы не встречаемся. Говорю серьезно. У нас такое вообще не принято.

— А если влюбились? — спрашивает Хейли. — Если вы нравитесь друг другу?

— Ну… — Ранья пожимает плечами. Она и подумать не могла, что однажды ей придется объяснять кому-то чеченские обычаи.

— О, я знаю! — с довольным видом вмешивается Элис. — Мне брат рассказывал, что там очень строгие правила. Встречаться можно, но только днем, при свидетелях и на расстоянии не ближе трех шагов. И девушка обычно берет с собой подругу или родственницу. — Она гордо кивает сама себе. — Я умная, скажите?

— Ого, — улыбается Ранья, глядя на нее. — Я правда удивлена.

— Как все сложно, — вздыхает Хейли, ковыряя вилкой салат.

— Нет, по-моему, это даже прекрасно, — возражает Элис. — Ты понимаешь, что любовь может быть на расстоянии, и даже без всяких встреч. Это ведь называется судьбой! — Она снова прищуривается, глядя на Ранью. — Хорошо, вы не встречаетесь. Но получается, вы друг другу нравитесь? Он признавался тебе в симпатии? Понятия не имею, когда и где он успел бы, но вы слишком уж похожи на парочку.

— Ничего подобного! — возмущается Ранья. — И вообще, ваш Дэнни стал настоящим американцем, а мне в конце учебного года уезжать домой. Причем навсегда.

Элис хитро улыбается.

— То есть если бы не эти две причины…

— Нет! — тут же перебивает ее Ранья.

— По твоему лицу все написано, подруга. Скажи, Хейли!

Но Хейли смотрит куда-то в сторону и, не отводя взгляда, спрашивает:

— Это и есть его компашка?

Элис с Раньей оборачиваются. Парни уже устроились за дальним столиком, где их ждали еще трое: парень, которого Ранья раньше не видела, и две девушки. Одна из них Дина, а вторая, кудрявая брюнетка, если память ей не изменяет, тоже была в тот первый день на аллее. Дени сидит между Диной и тем темно-русым парнем, и они вдвоем, чуть наклонившись друг к другу, что-то обсуждают. Ранья замечает, как Дина, смеясь вместе со всеми, то и дело поглядывает на Дени, а в какой-то момент даже касается его плеча. Ранья

невольно приподнимает брови. Дени мягко ведет плечом, и Дина убирает руку, но в лице не меняется и продолжает над чем-то смеяться. За тем столом явно весело.

Ранья поспешно отводит взгляд и сама не понимает, что сейчас чувствует. От этой картины ей становится не по себе, хотя она изо всех сил старается этого не показывать и делать вид, что ей все равно. Да и какая ей разница? Он давно уже живет чужой культурой, и ее не должно удивлять такое поведение вокруг него. И все равно внутри откладывается какой-то неприятный осадок.

Элис, похоже, это замечает, судя по тому, как молча на нее смотрит.

— Ага. Все-таки пора рассказать вам про Круглый стол.

Хейли поднимает бровь.

— Что еще за Круглый стол?

Элис кивает в сторону компании за дальним столиком.

— Мы называем их Круглым столом. Состав за ним не меняется с первого курса. Чужих они не подпускают, и сами никуда не уходят. Дэнни и Адама вы уже знаете, они дружат с детства. Рядом с Дэнни сидит Маркус, он играет в баскетбол еще со школы. — Она делает глоток газировки и снова переводит взгляд на компанию, которая дружно над чем-то хохочет, никого вокруг не замечая. — Та кудрявая — это Джессика, она учится на финансах. Рядом с ней Тайлер. Вообще-то они бывшие, но, видимо, решили остаться друзьями. Ну и рядом с Дэнни Дина.

Тут Элис делает долгую паузу, чтобы приняться за второй бургер, откусывает от него и только тогда замечает, что обе девушки не сводят с нее глаз в ожидании продолжения.

— Простите, но мне нужно подзарядиться, прежде чем переходить к Дине. — Она дожевывает, запивает все газировкой и кивает, мол, готова. — Дина с первого курса крутится вокруг Дэнни. Как маленькая луна. Очень красивая и очень страшная маленькая луна, понимаете, да?

— Безответная любовь? — усмехается Хейли и бросает взгляд на притихшую Ранью.

— Получается, что так. Кстати, когда Дина только поступила, она тоже носила платок, как ты.

Обе девушки удивленно на нее смотрят.

— Да-да. Весь первый семестр она пыталась добиться внимания Дэнни, но ничего не вышло. А на второй семестр пришла уже как самая обычная американка. Я ее сначала даже не узнала, если честно. Потом она сдружилась с Джессикой, которая тогда встречалась с Тайлером. Они оба, кстати, бывшие одноклассники Дэнни, и Маркус тоже. — Элис усмехается. — Вот это, я понимаю, заклятые друзья, да? В общем, так Дина и попала в их компанию, и с тех пор она с ними.

— И Дэнни с ней дружит, — уточняет Хейли.

— Как видите, — пожимает плечами Элис, уплетая бургер за обе щеки.

— Подожди… — вдруг говорит Хейли, будто вспомнив

что-то важное. — Помнишь, в тот день, когда Дина водила нас по кампусу, она сказала тебе, что ты можешь снять платок и никто тебя здесь не осудит?

Элис поднимает брови и переводит взгляд с Хейли на Ранью.

— Она так и сказала?

— Ага! А еще я заметила, как сегодня Дина смотрела на Ранью. Очень внимательно… Будто это… — Хейли щелкает пальцами и поворачивается к Элис.

— Ревность, — в один голос выдают они.

Ранья невольно поворачивает голову к дальнему столику и даже не успевает подумать о том, что делать этого ни в коем случае не стоит. Но уже поздно, потому что Дени в ту же секунду тоже поворачивает голову, и их взгляды встречаются. Она тут же отводит глаза, чувствуя, как предательски вспыхивают щеки, и мысленно ругает себя за такую оплошность. К счастью, ни Элис, ни Хейли этого не замечают, потому что обе как раз увлеченно что-то разглядывают в телефоне Элис. Больше Ранья в ту сторону не смотрит и вместе с девушками одной из первых уходит из столовой. Хоть бы сегодня больше с ним не столкнуться.

* * *

Следующая пара, «Организационное поведение», проходит уже в другой аудитории, и Ранья понимает, что здесь все устроено совсем не так, как дома. Студенты сами заранее выбирают предметы, поэтому на каждой паре собираются раз-

ные люди. Не то чтобы она успела запомнить все шестьдесят лиц с утренней лекции, но атмосфера здесь совсем другая, сдержанная и серьезная. Лекция проходит почти в полной тишине, и слышен только ровный голос профессора. Элис сидит рядом и, подперев голову рукой, понемногу засыпает под это ровное бормотание.

К счастью, среди всех этих лиц Ранья не видит одного раздражающего. Она, конечно, его и не искала. Но почему-то сразу чувствует, что его здесь нет. Может, потому что позади не слышно его усмешки? И его дурацкого «Судья»?

После пар Ранья выходит из корпуса вместе с девушками. Хейли предлагает подвезти ее домой, но Ранья качает головой и кивает в сторону мужчины, который ждет ее у входа.

— Спасибо, но меня забирает дядя.

Элис переводит взгляд туда, куда кивнула Ранья, и застывает как вкопанная.

— Профессор Магомадов — твой дядя? — шепотом, будто боясь, что он услышит, спрашивает она. — Ущипните меня.

Хасан улыбается уголком губ и коротко им кивает.

— Здравствуйте, профессор! — выпаливает Элис.

— Как успехи? — Хасан делает пару шагов им навстречу. — Смотрю, вы уже подружились.

— Конечно! — сияет Элис, улыбаясь во все зубы. — Я так скучаю по вашим лекциям, профессор! Вы были самым лучшим!

Хасан коротко усмехается.

— Рад это слышать, мисс Рамирес. — Потом он поворачивается к Ранье. — Поехали?

Ранья прощается с девушками и уходит вместе с дядей, а Элис так и остается стоять на месте.

— Он запомнил мою фамилию! — выдыхает она им вслед.

Хейли смеется, хлопает ее по плечу и тоже уходит к своей машине.

* * *

Всю дорогу Хасан расспрашивает ее о занятиях, и она рассказывает, как прошли пары, что ей было понятно, а где пришлось нелегко.

Дома их уже ждет ужин. Хава, похоже, весь день провела у плиты, потому что стол накрыт самыми разными блюдами. Седа и Мансур наперебой делятся своими школьными историями, а потом Хава спрашивает Ранью, удалось ли ей с кем-нибудь подружиться, и та рассказывает про Хейли и Элис.

И тут Хасан вдруг упоминает, что недавно заезжал к Ахмеду, к которому только что приехала из Чечни семья, и что сын Ахмеда теперь учится в Вестбруке вместе с Раньей. Ранья сразу понимает, о ком речь. Она ведь как раз собиралась после ужина расспросить об этом Хаву. Но, судя по ее лицу, Хава и сама узнает новость только сейчас. Она знала, что муж ездил к Ахмеду в гости, но эту новость, похоже, слышит впервые.

— Хороший парень, воспитанный, — говорит Хасан. — Вот настоящий чеченец.

Ранья на мгновение встречается взглядом с Хавой, и обе, не сказав ни слова, понимают, с кем дядя сейчас невольно сравнил Тимура.

* * *

Во вторник у Раньи первая пара по статистике, и всю дорогу она пытается угадать, сколько человек там будет, окажутся ли среди них знакомые лица и будет ли там один конкретный человек. О нем она, если честно, изо всех сил старается не думать, но почему-то никак не может перестать.

Хасан снова провожает ее до корпуса и уходит к себе, а Ранья почти сразу замечает впереди Хейли с Элис, которые, к счастью, тоже идут на эту пару, и в аудиторию они заходят уже втроем.

Пока они пробираются к свободным местам, Ранья быстрым взглядом обводит аудиторию и, не увидев никого знакомого, тихо выдыхает. Хотя нет, одно знакомое лицо все-таки находится. У окна сидит Адам, уткнувшись в телефон, но рядом с ним уже расположились незнакомые ребята. Значит, его друга сегодня не будет. Отлично. Она садится рядом с девушками и наконец расслабляется.

Ровно в назначенное время в аудиторию входит профессор Харрис, мужчина лет пятидесяти пяти в клетчатой рубашке, галстуке и строгих брюках. У него добрые глаза и такая неторопливая манера говорить, что уже через пару ми-

нут вся аудитория слушает его с улыбкой, тем более что он то и дело вставляет в лекцию какую-нибудь шутку.

— Многие думают, что статистика — это скучные таблицы и сплошные формулы, — начинает он, неторопливо прохаживаясь у доски. — На самом деле это умение задавать числам правильные вопросы. Любой бизнес каждый день живет цифрами. Сколько покупателей пришло, сколько они потратили, что продается лучше, а что хуже. И если неправильно понять эти цифры, можно принять очень дорогое неправильное решение.

Первым делом он рассказывает о двух самых простых способах понять, какое число в группе самое обычное. Первый из них — среднее, для которого нужно сложить все числа и разделить сумму на их количество. Второй — медиана, и чтобы ее найти, все числа выстраивают по порядку, от меньшего к большему, и берут то, что оказывается ровно посередине.

— Зачем нам два способа, спросите вы? — Харрис хитро прищуривается. — Представьте маленькую кофейню. За утро в нее зашли пятеро. Четверо взяли кофе за пять долларов, а пятый взял напитки на весь свой офис и потратил сто. Средний чек выходит двадцать четыре доллара, и владелец радуется, что к нему ходят одни богачи. А медиана честно скажет ему, что обычный покупатель тратит всего пять. Среднее легко обмануть одним большим числом, а вот медиану почти невозможно.

Ранья старательно записывает пример в тетрадь. С цифрами она всегда дружила, и, к ее собственному удивлению, этот добродушный профессор объясняет все так понятно, что статистика вдруг перестает казаться ей скучной.

Минут через тридцать после начала дверь открывается, и в аудиторию заходит Дени. Ранья удивленно поднимает голову, но тут же опускает взгляд в тетрадь и старается больше не смотреть в его сторону. Ей до сих пор неловко за то, что вчера в столовой он поймал ее взгляд.

— А, мистер Дэнни! — радушно встречает его профессор Харрис. — Рад, что вы все-таки почтили нас своим присутствием. Первую половину лекции, так и быть, расскажу вам на экзамене. — Он с хитрой улыбкой добавляет: — Кстати, статистика говорит, что опоздавшим всегда достаются самые неудобные места.

По аудитории прокатывается смех. Дени, ничуть не смутившись, поднимается по ступенькам, проходит вдоль ряда и опускается в кресло всего через пару мест от Раньи. Для нее это место точно самое неудобное во всей аудитории. А Дени устраивается в нем так вальяжно, будто удобнее места здесь и не найти.

Профессор Харрис тем временем возвращается к доске и, дождавшись, пока смех утихнет, обводит взглядом аудиторию.

— А теперь давайте проверим, как вы меня слушали. Представьте, что сегодня ко мне на пару опоздали пятеро.

Один на минуту, двое на две, один на три, а пятый… — он выразительно делает паузу, — на целых тридцать. Не будем показывать пальцем.

Аудитория снова смеется, и несколько голов оборачиваются на Дени. Тот лишь лениво пожимает плечами.

— Итак, на сколько в среднем опаздывают мои студенты? И какая здесь медиана?

В аудитории повисает тишина. Кто-то утыкается в ноутбук, кто-то делает вид, что старательно что-то записывает. Ранья быстро считает в тетради, на секунду медлит, а потом все-таки поднимает руку.

— Среднее — семь и шесть десятых минуты, — говорит она, когда Харрис кивает ей. — А медиана — две минуты.

— Совершенно верно! — Профессор довольно хлопает в ладоши. — Вот видите? Если верить среднему, мои студенты опаздывают почти на восемь минут. А на самом деле обычно всего на пару. Это один-единственный человек испортил всю картину.

Аудитория смеется громче прежнего, а сбоку, совсем негромко, раздается знакомый голос.

— *Not bad, Judge (Неплохо, Судья)*.

Ранья даже не поворачивает головы, но почему-то чуть дольше нужного смотрит в свою тетрадь.

Ближе к концу пары Харрис переходит к вероятности. Он объясняет, что вероятность показывает, насколько событие возможно, и считают ее очень просто, разделив количество

подходящих вариантов на количество всех возможных.

— Вот вам классика, — говорит он и достает из кармана монетку. — Если я подброшу ее один раз, шанс, что выпадет орел, пятьдесят процентов. А какова вероятность, что орел выпадет два раза подряд?

Ранья уже открывает рот, чтобы ответить, но ее опережает ленивый голос с того же ряда.

— Двадцать пять процентов.

— Верно, мистер Дэнни, — с улыбкой кивает Харрис. — Пятьдесят на пятьдесят, и вероятности перемножаются. Похоже, на вторую половину лекции вы все-таки успели.

Дени откидывается на спинку кресла и бросает на Ранью быстрый довольный взгляд. Она чуть прищуривается в ответ и отворачивается к доске. Ну уж нет, это была только первая пара.

После пары Ранья вместе с девушками поднимается с места, и Элис, собирая вещи, уже вовсю рассказывает, что их ждет на следующей паре.

Проходя мимо их ряда, Дени чуть замедляет шаг.

— Один-один, Судья.

— Мы не на соревновании, — хмыкает Ранья.

— Точно. Мы в суде, — усмехается он и, кивнув Адаму, который окликает его от двери, выходит вместе с ним.

Когда они выходят в коридор, Ранья замечает Дени чуть дальше. Его остановили две девушки и наперебой о чем-то рассказывают и что-то спрашивают, даже не пытаясь скрыть

свой интерес. То ли у него просто ангельское терпение, раз он стоит и слушает их, то ли он сам любит купаться в таком внимании. Скорее второе, потому что он им улыбается.

Ранья невольно морщится так, будто ее заставили досмотреть самую слащавую мелодраму на свете. Элис, заметив это, толкает ее в плечо.

— О-о-о, кто-то ревнует?

— Ничего подобного, — закатывает глаза Ранья и проходит мимо них, ни разу не оглянувшись, а девушки, стараясь спрятать улыбки, спешат ее догнать.

Остаток дня она его, к счастью, больше не видит, потому что на следующей паре его нет. Как же хорошо, что им не нужно видеться на всех парах подряд, иначе учеба превратилась бы в настоящее выживание.

После занятий Хасан, как обычно, забирает ее домой. Дома Ранья сразу идет на кухню помогать Хаве с ужином, а когда вся семья наконец собирается за столом, Седа засыпает ее вопросами о Вестбруке. Она говорит, что через несколько лет тоже туда поступит, ведь об этом мечтают все ее одноклассники, и хочет знать, как там все устроено. Ранья рассказывает и даже не пытается скрыть своего восхищения, особенно когда речь заходит о виде на океан.

А после ужина, когда она уже сидит в своей комнате за столом над заданиями, телефон начинает вибрировать, сообщение за сообщением. Ранья все-таки отвлекается, открывает чат *Business Girlies* и чуть хмурит брови.

Элис: Зайдите в Canvas!

Элис: СРОЧНО

Хейли: О Господи…

Элис: Ранья, ты видела?

Ранья почему-то даже боится туда заглядывать, и внутри поднимается непонятное волнение. Но любопытство все-таки берет верх, и она открывает Canvas, находит список команд и листает его, пока не натыкается на свое имя.

Team 7 (Команда 7)

Ranya (Ранья)

Alice (Элис)

Isaiah (Айзея)

Denny (Дэнни)